

АЛИНА ШЕБАРШИНА

ПОДАРОК СМЕРТИ

ТАЙНЫ ПРОШЛОГО. СИЛА КРОВИ. ВЫБОР СЕРДЦА.

Алина Шебаршина

Подарок Смерти

<https://litres.ru/74284589>

SelfPub; 2026

Аннотация

За стену нельзя ходить. Но иногда стена не может удержать тех, кого позвали.

Ася Венгерских живёт в смертном мире, где магия — это сказка. Всё меняется в одну ночь: её деревня сгорает, родители исчезают, а старый медальон на её груди становится горячим, как огонь. Он предупреждал её. Она не поняла.

Теперь единственный след ведёт в Лес оборотней — туда, откуда не возвращаются.

За стеной её ждёт не просто магия. Её ждут те, кто знает о ней больше, чем она сама. Они называют её чужими именами, предлагают сделки и требуют доверия. Но каждый шаг в этом мире — это плата. Иногда — памятью. Иногда — жизнью.

Ася готова рискнуть всем, чтобы вернуть родных. Но что, если правда о её прошлом стоит дороже, чем их жизни? И что, если единственный, кто может помочь, — это человек, которому она не должна верить?

Алина Шебаршина

Подарок Смерти

ПОДАРОК СМЕРТИ

Алина Шебаршина

Глава 1

Пепел у порога

Запах настиг меня раньше, чем между соснами показались первые крыши: гарь, мокрый пепел и сладковатая тяжесть сгоревшей плоти. Я остановилась, прижав ладонь к шершавой коре. Воздух не хотел проходить в лёгкие. Нападение повторилось — только на этот раз я опоздала.

Я заставила себя идти. За стеной всегда лаяли собаки, скрипели телеги, перекликались дозорные. Теперь деревня молчала. Даже ветер не шевелил дым, застрявший между крышами.

А потом я увидела.

От домов остались обугленные каркасы. Огонь прошёл от площади до кузницы, перескакивая через каменные ограды. В грязи, где вода смешалась с пеплом и кровью, блеснул осколок расписной тарелки. Тётя Марта берегла этот сервиз для праздников и никому не позволяла выносить его во двор.

На единственной улице сапоги вязли в бурой жиже. Я смотрела под ноги и всё равно видела больше, чем хотела.

Возле кузницы на коленях сидела Марта-травница и прижимала к груди неподвижный свёрток. Она не звала на помощь — только раскачивалась, будто убаюкивала ребёнка. Я отвернулась прежде, чем разглядела лицо под краем ткани.

Здесь я выросла и всё же всегда оставалась немного чужой. Я замечала тени, которые не отбрасывали люди, странный блеск в глазах приезжих, напряжение воздуха перед появлением магии. Сегодня это умение не помогало — лишь заставляло узнавать хозяев брошенных вещей. Деревянная лошадка принадлежала Тиму. Кружевную занавеску Лиза вышивала всю зиму. Чужая жизнь не исчезала вместе с человеком; она оставалась в мелочах, на которые некому было смотреть.

Кто-то уже двигался среди руин — разбирал завалы, перевязывал стонущих раненых. Мужчины с суровыми, почерневшими от сажи лицами и женщины с пустыми глазами. Никто не обращал на меня внимания, и я была этому рада. Что я могла им сказать?

Накануне я задержалась на ферме у дедушки. Когда закончила работу, уже стемнело, и он отказался отпускать меня одну. Я спорила, уверяла, что дорогу знаю с детства, но в конце концов уступила. Последнее нападение случилось меньше недели назад, и никто не верил, что оборотни вернутся так быстро. Обычно между набегам проходил хотя бы месяц: люди успевали залатать стену, выковать новое оружие и похоронить погибших.

Всю ночь меня преследовало беспричинное беспокойство. Я просыпалась от каждого шороха, сжимала висевший на шее медальон и смотрела в окно, за которым темнел лес. Камень в оправе был непривычно тёплым, почти горячим, но к утру остыл, и я решила, что всё это мне приснилось. Теперь, глядя на дымящиеся развалины, я понимала: медальон предупреждал меня. А я не поняла.

Я пошла искать родителей. Во время прежних набегов оборотни уводили людей живыми. Это была жестокая надежда, но другой у меня не осталось.

Сначала я направилась в мастерскую, где родители проводили большую часть дня.

Мастерская оказалась пустой. У очага лежали отцовские щипцы, на столе осталась раскрытая мамина книга заказов. Я уже собиралась идти к зданию совета, когда из-за соседних ворот появилась Кельси — близкая подруга нашей семьи.

Кельси шла к колодцу с пустым ведром. На её закопчённом лице белели дорожки от слёз. Увидев меня, она остановилась и так сильно сжала ручку ведра, что побелели пальцы.

— Кельси, где родители?

Кельси опустила взгляд. Этого оказалось достаточно.

— Они забрали совет, — выговорила она. — Всех, кто был там ночью.

— Алистана и Джулию тоже?

Она кивнула и закрыла лицо ладонью.

Я села прямо на холодную землю. В голове осталось одно:

они живы, пока не доказано обратное. За эту мысль можно было держаться. Кельси обняла меня и что-то шептала, но слова терялись в звоне сигнального колокола, который мне всё ещё чудился.

Оборотни прежде не возвращали пленников. О ритуале, ради которого они забирали жизненную силу, мы знали только из их угроз. Но сегодня они пришли именно за советом и увели людей, которых могли убить на месте. Значит, родители зачем-то были нужны живыми.

Никто из тех, кого уводили оборотни, не возвращался. Даже о самом ритуале с жизненными силами мы узнали от них же, хотя они, кажется, не считают это такой уж тайной.

— Послушай, Ася, — начала Кельси, — сейчас у всех нас тяжёлые времена, но мы не должны сдаваться.

У каждого вокруг был свой пропавший или погибший. От этого моя боль не становилась меньше, но превращалась в часть общего несчастья, с которым деревне предстояло что-то делать.

Внезапно я вспомнила ещё об одном:

— Кельси, а Эмма с братьями? С ними всё хорошо?

— А что с ними случится? — грустно махнула она рукой.

— Они, как только прозвенел сигнальный колокол, собрали детей и вместе с ними ушли в убежище. А вот Алистан и Джулия пошли искать тебя.

Вина нашла удобную цель. Родители отправились искать меня, а потом оказались на заседании, куда ворвались обо-

ротни. Я ещё не знала точной последовательности событий, но уже обвиняла себя.

С трудом сдерживая слёзы, я попрощалась с Кельси и побрела домой.

Погружённая в свои печальные мысли, я не заметила, как добралась до нашего дома.

Дом уцелел, но казался оставленным задолго до нападения. У крыльца лежали примятые мамины цветы. После прежних набегов она поднимала каждый стебель и ворчала, что чудовища могли бы выбирать другую дорогу. Теперь поправить их было некому.

Нашему дому повезло больше. Он стоял в другом конце села, и, видимо, оборотни не успели до него добраться до рассвета.

Тихонько скрипнула калитка, слышались быстрые шаги, и на крыльцо буквально выбежала девушка.

Её светлые волосы были растрёпаны и собраны в небрежный хвост, а лицо было мокрым от слёз. Она сразу же бросилась мне на шею и начала плакать. Голос моей сестры был хриплым, и я смогла разобрать лишь некоторые отрывки фраз:

— Мама... Папа... Почему так...

Я ничего не обещала Эмме. Слова «мы их вернём» были бы ложью, а «мы справимся» — слишком слабым утешением. Я просто держала сестру, пока к нам не подошли Ростислав и Слава.

Слава увёл Эмму в дом. Ростислав задержался рядом и коротко обнял меня за плечи. В нашей семье редко говорили о страхе вслух; прикосновение означало, что он остаётся на моей стороне, даже если не одобрит того, что я собиралась сделать.

За закрытыми ставнями братья рассказали, как всё произошло. Обратни пришли вскоре после полуночи — слишком быстро после предыдущего набега и слишком организованно для обычной стаи. Дозорный у стены успел ударить в колокол, прежде чем его убили. Этот звон спас десятки людей: Эмма и братья отвели детей в подземное убежище под зданием совета.

На столе Ростислав развернул карту дозоров. Обратни прорвались не через слабый восточный участок, а через ворота у здания совета. Там камень был толще, зато похищенных можно было сразу вывести к старой дороге. Нападение готовили люди, знавшие распорядок деревни.

Слава предлагал собрать тех, кто ещё мог держать оружие. Ростислав возражал: после двух набегов у стены оставалось меньше половины дозора. Эмма слушала их, кусая губы, и время от времени переставляла кружки, будто порядок на столе мог вернуть порядок в мир.

Пока они спорили, я запомнила отмеченные на карте следы. Один уходил к северному проходу, другой — в сторону Ансары. Я ещё не решила бежать, но уже выбирала дорогу. Позднее именно это напугало меня сильнее всего: решение

возникло раньше, чем я позволила себе назвать его.

В ту ночь совет как раз решал, что делать с поставками из города. Торговцы больше не хотели рисковать обозами из-за близости Леса оборотней. Родители предлагали укрепить дорогу и поставить дополнительные дозоры. Они не успели закончить заседание. Несколько оборотней ворвались в зал, оглушили взрослых и увели их живыми. При этом они почти не пытались добраться до убежища и не стали грабить склады.

— Они пришли именно за советом, — тихо сказал Ростислав. — Будто заранее знали, кто будет в здании и когда.

От этих слов мне стало холоднее, чем на улице. Обычный набег был страшен, но в нём хотя бы не было замысла. Здесь же кто-то выбрал ночь, время и людей. Родители оказались не случайными жертвами.

Я слушала Эмму рассеянно. Она требовала собрать отряд и немедленно отправиться за похищенными, но городские власти уже не раз обещали помощь, а затем отступали, напоминая о пропавших в лесу добровольцах.

— Они всё ещё живы! Их можно спасти! Можно послать отряд! Но власти не хотят, даже не пытаются, — с возмущением говорила Эмма.

— Эмма, успокойся, не поднимай смуту. Сейчас в сердцах людей и так много горя и ненависти. Ты хочешь восстания? — пытался успокоить её Ростислав.

— Они живы? — спросила я с надеждой.

— Да, должны быть живы. Их схватили, но никто не видел, чтобы их убивали, — ответил брат, внимательно всматриваясь в мои глаза. — Так что даже не думай о том, как их спасти. Нас слишком мало, да и оборотни сильнее будут.

— Ну что ты, я и не думаю ни о чём таком, — невинно протянула я. Конечно, я врала. Я понимала всю опасность ситуации, но была полна решимости спасти родителей, что бы там ни говорили Ростислав и Слава.

Остаток дня я делала вид, что занята обычной домашней работой. Носила воду, разбирала уцелевшие припасы, помогала Эмме перевязывать раненых — и всё это время составляла план, который становился тем безумнее, чем дольше я его обдумывала.

Ближе к вечеру я поднялась в свою комнату и открыла окно. Ветер рассеял гарь, но не запах дыма, въевшийся в волосы и одежду. Я успела только снять запачканную куртку, когда в комнату влетел Сильвер — говорящий сокол и единственный мой соучастник, которому не требовались объяснения.

Сильвер сделал круг под потолком и опустился на изголовье кровати.

— Наконец-то, — сказала я. — Я уже решила, что ты меня бросил.

— Я обследовал окрестности, хозяйка. Героически, тщательно и без обеда.

Для остальных его крики оставались обычным птичьим

шумом. Люди привыкли считать странной меня, а Сильвер охотно поддерживал эту версию: тайна льстила ему сильнее любой похвалы.

Сильвер появился в моей жизни много лет назад, когда я уже жила с Венгерскими в смертном мире. На окраине нашей деревни поселилась нелюдимая знахарка. Люди обходили её дом стороной, а отец, напротив, относился к ней с уважением, будто знал гораздо больше, чем признавался. Она носила синий платок, пахла полынью и иногда смотрела на меня так, словно уже видела все мои будущие ошибки. В детстве я с трудом справлялась с гневом, не могла терпеть несправедливость и постоянно рвалась доказать, что способна сражаться не хуже взрослых. После особенно тяжёлой ссоры отец отвёл меня к знахарке.

Я прожила у неё месяц. Она научила меня различать травы, перевязывать раны и сначала думать, а потом хвататься за нож. Когда я злилась, знахарка переворачивала мою ладонь запястьем вверх и говорила: «Дорога не обязана быть прямой, чтобы привести вовремя». Однажды мы нашли раненого сокола. Я ухаживала за ним несколько недель, и после выздоровления он отказался улетать. Позже он заговорил — но слышала его только я.

Перед отъездом знахарка сама надела мне на шею медальон. Она не объяснила, откуда он у неё и почему должен достаться именно мне. Лишь сказала, что однажды он откроет передо мной двери, за которыми я найду и спасение, и

гибель. Тогда я решила, что она любит загадки. Сегодня камень снова нагрелся у меня на груди, и старые слова впервые перестали казаться красивой бессмыслицей.

Остальное я знала лишь обрывками и не собиралась сейчас разбирать собственное детство. Важно было другое. Сильвер предупреждал меня об опасности, а Север оставался единственным человеком, который никогда не считал меня сумасшедшей.

— Сильвер, лезь в рюкзак. Нам предстоит нелёгкий путь, и тебе лучше быть рядом.

— А предупредить заранее было нельзя? Мне, между прочим, нужны вода, еда и достойные условия перевозки.

— Если продолжишь спорить, достойные условия закончатся наволочкой.

Он оскорблённо щёлкнул клювом, но всё-таки забрался внутрь. Я положила рядом мешочек сухарей, флягу, бинты, отцовский нож и моток прочной верёвки. Затем остановилась перед дверью комнаты. За ней спали Эмма и братья. Я могла разбудить их, рассказать о своём решении и услышать всё то, что уже знала: это безумие, отряды не возвращаются, родители не простили бы мне такого риска.

На столе остался короткий листок: «Я не могу ждать. Вернись вместе с ними. Простите». Написанное выглядело самоуверенной ложью. Я не знала, вернусь ли вообще, но не смогла оставить им прощание.

Я подхватила рюкзак, бесшумно открыла ставни и выбра-

лась в окно. Калитка скрипела, поэтому я перелезла через забор. Дом остался за спиной тёмным силуэтом, и впервые я позволила себе подумать, что могу его больше не увидеть.

Днём я успела предупредить Севера. Он служил в ночном дозоре, знал слабые места стены и тоже искал похищенного близкого — лесника, который вырастил его.

Север согласился открыть тайный проход лишь при условии, что пойдёт со мной. Я не стала спорить: в Лесу оборотней один спутник стоил целого самоуверенного отряда.

Бросив последний взгляд на дом, я поспешила к назначенному месту. Я старалась не думать, что мои родители уже мертвы, и то, что я затеяла, зря, но эти мысли всё равно возвращались.

Тревожные мысли покинули меня только тогда, когда я увидела стену, разделяющую наши миры.

Была ли я уверена, что поступаю правильно? Нет. Я представляла лица Эммы и братьев, когда они обнаружат записку, слышала воображаемый голос отца: «Смелость без расчёта — всего лишь красивое название глупости». Я могла вернуться, дожждаться помощи города, убедить взрослых собрать новый отряд. Но город уже отказался от нас, а каждый час приближал похищенных к неизвестному ритуалу.

Я боялась не смерти. Я боялась опоздать и всю оставшуюся жизнь знать, что могла хотя бы попытаться. Поэтому продолжила путь.

Этот лес отличался от других. Именно из него приходи-

ли оборотни и именно в него утаскивали своих жертв. Наше поселение уже отправляло добровольческие отряды, но никто не смог вернуться. Говорят, у этого леса нет ни конца ни края. Но я понимала, что край всё же есть, а вот выход — найдём мы его или нет.

Я оборвала эту мысль. Страх был полезен, пока заставлял смотреть под ноги; всё остальное следовало оставить за стеной.

Из-за осторожности я свернула с ярко освещённой дороги, стараясь быть ближе к теням деревьев и домов. Когда я пришла на место, то прислонилась к исполинскому дубу и стала ждать Севера.

Север пришёл вскоре после смены дозора. Шаги я услышала заранее и спряталась в кустах, пока не узнала его голос.

— Ася, — тихо позвал знакомый грубоватый голос.

— Я здесь, — ответила я и вылезла из кустов.

Север пришёл в тёмной куртке ночного дозорного, с арбалетом за спиной и коротким мечом на поясе. На плече висела сумка с припасами. Обычно он двигался уверенно, будто заранее знал, где под ногами окажется корень и откуда может прийти удар. Только сегодня привычное спокойствие исчезло: Север то и дело оглядывался на сторожевые башни и прислушивался к лесу.

— Ты взяла медальон? — спросил он.

Я удивлённо коснулась цепочки.

— А зачем он нам?

— Не знаю. Твой отец однажды сказал, что без него тебя нельзя выпускать за стену.

— Отец говорил с тобой об этом?

Север понял, что сказал лишнее, и отвёл взгляд.

— Давно. Я тогда не придавал значения.

Вопросы множились, но задавать их у стены было поздно. Если отец действительно готовился к моему переходу, значит, он знал о Лесе гораздо больше, чем рассказывал.

— Хорошо, ты точно не передумала? Ты уверена, что хочешь идти за стену? — Север предпринял последнюю попытку отговорить меня.

— Да, абсолютно, — кивнула я.

— Ну что ж, тогда идём.

Глава 2

За стеной

Север появился в нашей семье десять лет назад. Отец нашёл его возле Леса оборотней — восьмилетнего, израненного, почти не помнившего собственного прошлого. Несколько недель он жил у нас, пока не поправился, а затем его взял к себе лесник. Север называл его отцом и теперь шёл за стену ради него.

Сам Север помнил только имя и несколько беспорядочных картин: ослепительно белые башни, снег, не таявший на ладонях, и ряды молчаливых воинов в серебряных доспехах. В деревне эти воспоминания принимали за горячечный

бред. Мне они всегда казались частью правды, до которой Север однажды обязательно доберётся.

Спасателями мы пока не были. Двое семнадцатилетних беглецов за стеной скорее увеличивали число тех, кого придётся искать.

Север остановился у куста дикой сирени, отсчитал два кирпича от старой трещины и достал пузырёк с тёмной жидкостью. Запах железа подсказал ответ раньше вопроса: кровь.

Он обмакнул узкую кисть и нанёс на стену четыре короткие линии. Кирпич впитал рисунок; с той стороны кладки что-то тяжело щёлкнуло.

— Чья кровь?

— Моя. Потом объясню.

В стене открылся проход, такой узкий, что пришлось повернуться боком.

— Быстрее. За право открыть дверь я уже заплатил, но надолго этого не хватит.

Я шагнула внутрь. Когда обернулась по другую сторону, кирпичи уже сомкнулись, не оставив ни шва, ни следа рисунка.

— Уходим, — сказал Север. — Если дозор проверит стену, кровь укажет направление.

В другое время я потребовала бы объяснений. Сейчас молча затянула ремни рюкзака и пошла следом.

Наши светильники давали тусклый голубой свет. За его

границей стволы срастались в сплошную стену, а любой шорох казался шагом. Я сама выбрала эту дорогу и всё же вздрагивала чаще, чем хотела показывать.

Несколько часов мы провели в пути, а затем остановились на ночлег на небольшой полянке, окружённой деревьями. Север развёл огонь и поставил котелок для травяного отвара, а я разложила наш скромный ужин.

Вокруг стояла тишина, но мне не верилось, что мы сможем избежать опасностей в этом лесу, полном оборотней. Я старалась быть готовой к худшему.

После ужина мы подкинули в костёр пару толстых поленьев и легли спать. Вернее, Север лёг спать, а я осталась сторожить. Хотя сейчас и было тихо, но это могло измениться в любой момент, и лучше быть настороже.

Под конец караула я задремала у костра. Во сне между деревьями загорелись огромные глаза. Я пыталась разбудить Севера, но он лежал неподвижно, а невидимый зверь всё ближе обходил лагерь.

— Север!

Я проснулась от собственного крика. Было уже светло. Север сидел рядом и протягивал кружку горячего отвара.

— Ты звала меня во сне, — сказал он. — Что видела?

— Глаза. И тебя — ты не просыпался.

Он не улыбнулся и не назвал сон пустяком.

— В этом лесу кошмары иногда находят человека раньше хищника. Если повторится, буди меня сразу.

— Я и пыталась.

— Тогда в следующий раз проснись.

Обещание прозвучало слишком серьёзно для обычного сна. Я запомнила это, хотя тогда ещё не понимала почему.

Я не нашла, что на это ответить. Молча посидев ещё минут пять, мы начали собираться. Путь у нас был нелёгкий.

Сборки не заняли много времени, и вскоре мы уже шли по следам колёс и когтистых лап. По словам жителей нашей деревни, именно эта дорога обычно служила оборотням для нападения на поселения.

Лес становился плотнее. Ни птиц, ни мелких зверей — только хруст наших шагов и редкий скрип ветвей.

— Почему здесь так тихо?

— Оборотни часто ходят этой дорогой. Животные научились держаться подальше.

Север замедлил шаг и поднял ладонь. Через несколько секунд я тоже различила голоса.

— Слышишь голоса?

Я в недоумении уставилась на него.

— Прислушайся, разве ты ничего не слышишь? — посоветовал он.

Я послушно прислушалась.

И правда, неподалёку от нас доносились голоса. Мы не могли разобрать слов, но были уверены, что они принадлежат людям. Мы начали продвигаться в сторону голосов, ступая осторожно и прячась за кустами и деревьями. Голоса ста-

новились всё громче, и вскоре мы смогли их различать.

— Какой хороший денёк для отдыха на природе, — сказал мечтательно мужской голос.

— Да хорош, если не знаешь, что поблизости ходят страшные твари, которые только и хотят тебя убить, — ответил ему второй мужчина с лёгким картавым акцентом.

— С добрым утром всем! — радостно произнёс третий голос.

— Каким ещё утром, уже время обедать подходит! — воскликнул первый.

— Да брось, Риг, ты же знаешь, какой соня у нас Эмлит, — сказал второй.

Из-под корня выползла гадюка. Я застыла, боясь выдать нас движением, но змея направилась прямо к сапогу. Когда между нами осталось меньше ладони, я отступила и сломала сухую ветку.

Разговор у костра оборвался. Север отбросил гадюку длинной палкой и сразу положил руку на оружие.

— Проходите, гости дорогие. Присаживайтесь к огню поближе. Замерзли, наверно, — слышался голос, обращающийся к нам.

— Что в кустах сидите? Выходите. Не съедим, мы порядочные граждане, — это был голос человека по имени Эмлит. — Просим вас, проходите, проходите, присаживайтесь!

Незнакомцы уже знали, где мы прячемся. Отказ только подтвердил бы страх, поэтому Север первым вышел к огню.

Я последовала за ним, держась так, чтобы видеть руки всех троих.

На костре жарилось мясо. После сухарей и бессонной ночи запах почти лишал осторожности, но Север взял еду только после того, как хозяева попробовали её сами.

Мы не заметили, как начало смеркаться. Рассевшись вокруг костра, мы слушали истории о приключениях седоватого человека средних лет, которого, как мы поняли из разговоров, звали Альберт.

Альберт рассказал, как много лет назад они с другом Заком искали переправу через Ансару и увидели под водой огни. Зак решил, что это затонувшая повозка, нырнул — и не поднялся. Альберт бросился следом.

Под рекой оказался город водяных фей. Они приняли Зака за вора: тот сорвал со стены белую лилию, не понимая, что цветок удерживает воздух в целом доме. Пока жители заделывали трещину, обоих путников заперли в прозрачной клетке.

— И как вы выбрались? — спросила я.

— Договорились, — ответил Альберт. — Любая разумная тварь предпочитает сделку драке, если знает цену драки.

Риг, мужчина с лёгкой картавостью, фыркнул:

— Ты три дня изображал утопленника, потому что боялся открыть глаза.

— Это была переговорная тактика.

— Ты плакал.

— Убедительная переговорная тактика.

Эмлит рассмеялся, не просыпаясь до конца. Оказалось, он слышал разговор всё время и лишь притворялся сонным, чтобы не отвечать на вопросы.

Водяные феи отпустили путников и подарили две лилии, позволяющие дышать под водой. Подарок имел цену: пока цветок поддерживал дыхание, человек не мог произнести собственное имя. Если кто-то называл его вместо него, лилия закрывалась.

— Поэтому Зак едва не утонул второй раз, — закончил Альберт. — Решил представиться красавице на берегу.

— Это был ты, — поправил Риг.

Альберт невозмутимо перевернул мясо над огнём.

Их перебранка звучала легко, но история оставила неприятный осадок. За стеной даже помощь требовала платы, а простая ошибка превращала подарок в ловушку. Север, похоже, подумал о том же: он посмотрел на пузырьёк с кровью, которым открыл проход, и спрятал его глубже в сумку.

До перехода за стену я знала наверняка лишь об оборотнях и говорящем соколе. Рассказ о водяных феях расширял мир слишком быстро и совсем не делал его безопаснее.

— Вы не боитесь оборотней? — спросил Север, удивляясь их спокойствию.

— А чего их бояться? — уверенно ответил Альберт. — Они нас не трогают, и мы их не трогаем. Договор нарушать нельзя, даже по отношению к ним.

— Какой договор? — не понял Север.

— Здесь нейтральная полоса, — объяснил Альберт. — Оборотни не трогают тех, чьи имена внесены в старый договор. Мы не вмешиваемся в их охоту.

— Кого это «нас»? Насколько я понимаю, людей они прекрасно трогают.

— Смертные деревни не подписывали договор, — сказал Риг. — Старое право различает кровь и подпись, а не справедливость.

— А вы не люди? — спросил Север.

Альберт посмотрел на нас внимательнее. Его зрачки на миг сузились вертикальными щелями.

— А вы уверены, что сами люди?

— Да.

— Интересно, — протянул Альберт и больше к теме не вернулся.

После этого гостеприимство изменилось. Риг незаметно переложил нож ближе к правой руке. Эмлит спросил, куда мы направляемся, и трижды повторил, что мост через Ансару разрушен. Альберт предложил дожидаться знакомого проводника, который должен был появиться утром.

Север отвечал уклончиво. Когда стемнело, он показал мне едва заметную серебряную метку на котелке. Такой же знак деревенские дозорные видели у дороги перед последним нападением.

Мы не знали, были ли трое путешественников врагами.

Возможно, они честно соблюдали собственный договор и собирались предупредить нас об опасности. Но остаться до появления неизвестного проводника означало отдать им решение. Север выбрал уйти до рассвета.

Перед сном Риг отвёл меня к краю стоянки и показал на белые зарубки на деревьях. Каждая обозначала человека, которого договор не защищал. Метки уходили к Ансаре.

— Почему вы остаётесь рядом с теми, кто охотится на смертных? — спросила я.

— Потому что однажды я провёл через нейтральную полосу семью с ребёнком, — ответил он без привычной насмешки. — Оборотни потребовали выдать беглецов. Я отказался, и договор забрал имена у всех, кто был со мной. Двое до сих пор не помнят, кем были. После этого я помогаю только тем, кто сам понимает цену.

— Ребёнок выжил?

Риг посмотрел на огонь.

— Не знаю. И второй раз эту историю не расскажу.

Он вернулся к товарищам. Его холодный тон не скрывал вины — только удерживал её на расстоянии. Я впервые подумала, что отказ помочь не всегда означает равнодушие. Иногда человек уже заплатил за одну попытку больше, чем способен признать.

Позднее Эмлит молча оставил возле моего одеяла сухой плащ и пузырьёк от речной лихорадки. Утром он мог бы отрицать помощь, не нарушая договора. В этом месте даже доб-

роте приходилось искать обходную дорогу.

Я убрала пузырьёк в рюкзак. Мы ещё не знали, кто из троих встретится нам снова, но их выбор уже изменил дорогу.

Север ничего не ответил, но едва заметно коснулся ремня рюкзака. Это был наш условный знак: уйти до того, как гостеприимство станет ловушкой.

Мы слушали рассказы бывшего моряка до полуночи. Когда мои глаза начали закрываться, Альберт объявил отбой.

* * *

— Ася, просыпайся.

Север потряс меня за плечо и сразу приложил палец к губам. Костёр почти погас; незнакомцы спали слишком неподвижно, словно заранее приготовились изображать сон.

— Что случилось?

— Собирайся. Объясню в пути.

В руках у него был взведённый арбалет. Этого хватило, чтобы я перестала спорить.

— Ш-ш, смотри под ноги, — прошептал Север, когда я в очередной раз наступила на сухую ветку. Мне пришлось виновато улыбнуться.

Мы уходили, ставя ноги в его следы. Север редко раздражался и никогда не поднимал тревогу без причины. Если он решил бежать от людей, заключивших договор с оборотнями, вопросы могли подождать до безопасного места.

Луна светила ярко, и этого было достаточно, чтобы разглядеть дорогу и не врезаться в какое-нибудь дерево. Мы

шли по протоптанной тропинке. Вокруг был только лес: ни полян, ни холмиков — ничего, кроме ёлок и сосен. И самое странное — было очень тихо. Не было слышно даже насекомых, не говоря уже о другой живности, и это настораживало. Ну и долго нам ещё идти? Я уже открыла рот, чтобы задать этот вопрос Северу, как моё внимание привлекло свечение вдали.

К рассвету между деревьями заблестела вода. Ансара неслась через ущелье так быстро, что отдельные волны сливались в серебряную полосу.

Вместо настоящего моста над рекой лежали две широкие доски. Одна была расколота у середины, вторая прогибалась от ветра. Перил не осталось.

Мы не успели решить, как перейти. Позади вспорхнули птицы, затем в зарослях затрещали ветви. Кто-то приближался быстро и уже не заботился о тишине.

Север схватил меня за локоть и вывел на мост. Доски прогнулись под нашим весом.

Мы дошли до середины моста, когда сзади раздался крик: — Девушку не трогать! Она нужна живой!

Я быстро обернулась. Из леса почти одновременно вышли две группы. Первыми показались воины в закрытых чёрных доспехах и серебряных масках. Они двигались быстро и слаженно, не поднимая оружия в нашу сторону. Один из них указал прямо на меня, словно узнал.

С другой стороны тропы из кустарника вырвались оборот-

ни. Они напали на воинов, не дав тем приблизиться к мосту. Металл столкнулся с когтями; в темноте вспыхнули красные искры. Я не понимала, кто из них пришёл спасать нас, а кто — убить.

— Бежим! — Север потянул меня к противоположному берегу.

Тогда один из оборотней перепрыгнул через перила и приземлился на доски впереди нас.

Оборотень был выше человека и стоял на задних лапах. Серебристая шерсть на плечах светилась под луной, с когтей на передних лапах капала кровь. Но страшнее всего были глаза: красные, спокойные и слишком разумные.

Он не бросился сразу. Сначала посмотрел мне в глаза.

Вместо чудовища передо мной возникло сияние, переливавшееся мягкими цветами. В нём проступили лица родителей, Эммы и братьев. Они стояли на противоположном берегу, живые и невредимые, и звали меня к себе. Я забыла про мост, реку и сражение. Сделала шаг, потом ещё один, протянула руку.

— Ася! Смотри на меня! — голос Севера прорвался сквозь наваждение.

Он схватил меня за запястье, но оборотень ударил его плечом. Север отлетел к перилам, арбалет выпал из рук. В ту же секунду один из воинов в чёрном метнул клинок. Лезвие прошло между мной и оборотнем и заставило зверя отступить.

— Уводите девушку! — крикнул воин. — Приказ Арагона!

Незнакомое имя вернуло меня в реальность сильнее, чем холодный ветер. Я увидела серебряную маску, блеск клыков под ней и поняла, кем были воины. Вампирами. Теми самыми чудовищами, которыми нас пугали в детстве.

Я отшатнулась от протянутой руки. Доска под ногой жалобно треснула.

— Не двигайся! — Север бросился ко мне.

Оборотень снова прыгнул. Север успел закрыть меня собой, но удар пришёлся ему в спину. Мы оба потеряли равновесие. Он зацепился за остаток перил, а моя нога провалилась между сломанных досок.

Я увидела его руку — совсем близко. Север тянулся ко мне, несмотря на оборотня, вцепившегося когтями в его плечо.

— Ася, держись!

Я попыталась ухватиться, но край доски раскрошился под пальцами. Мир перевернулся. Последним я увидела лицо Севера и чёрного воина, который прорвался к мосту слишком поздно.

Ледяная вода сомкнулась над головой.

* * *

Север рванулся следом, но оборотни скрутили ему руки. Он ещё видел, как два вампира бросились вниз по течению, разыскивая девушку, однако остальные отступили: их было

слишком мало, а приказ требовал сохранить жизнь только девушке, которую они разыскивали. Никто из них не попытался отбить пленника.

— Ася! — закричал Север, пока удар по затылку не погасил и реку, и мост, и последние отблески рассвета.

* * *

На рассвете на безымянной горной вершине стоял седой мужчина в чёрном плаще. Отсюда Ансара казалась тонкой светлой нитью. Он дождался, пока над лесом показался орёл, и коснулся ледяной короны, спрятанной под одеждой.

— Государь вернулся в свои земли, — произнёс он. — И пока сам об этом не знает.

Мужчина скрылся в расщелине. Через мгновение иней затянул камень у входа, уничтожив следы.

Глава 3

По ту сторону реки

Сначала вернулся холод. Он сидел в костях, стягивал грудь и не позволял нормально вдохнуть. Затем пришла боль: саднило ладони, ломило плечо, каждый вдох отзывался резью под рёбрами. Я открыла глаза и тут же зажмурилась от солнечного света.

Под пальцами оказалась влажная трава. Рядом тихо бежала река — та самая, которая сорвала меня с моста и протащила неизвестно сколько времени между камнями. Я приподнялась на локтях. Одежда высохла лишь наполовину, во-

лосы спутались, на коже темнели синяки и царапины. Медальон лежал поверх рубахи и слабо мерцал, словно именно он не позволил воде забрать меня.

Небо уже клонилось к вечеру. По берегу тянулась поляна, густо заросшая цветами, а дальше начиналась незнакомая равнина. Севера нигде не было.

Я несколько раз позвала его, сначала тихо, потом во весь голос. Ответило только эхо. Перед глазами снова возникла его рука, протянутая ко мне, и оборотень за его спиной. Север не падал в воду. Он остался на мосту.

Значит, его схватили.

От этой мысли стало труднее дышать, чем от воды. Я обещала себе вернуться за ним, но сначала должна была понять, куда меня вынесла река и почему вооружённые существа искали меня по приказу неизвестного Арагона.

Из лежавшего рядом рюкзака донёсся приглушённый вопль:

— Хозяйка! Если вы живы, немедленно подтвердите это и выпустите меня!

Я развязала мокрые ремни. Сильвер выбрался наружу, расправил слипшиеся перья и едва не свалился на траву: одно крыло дрожало.

— Север едва нас не утопил, — заявил он.

— Север спасал меня. Его забрали.

Сильвер замолчал. Потом осторожно коснулся клювом моего плеча.

— Тогда найдём. Но сначала вы должны встать так, чтобы не упасть обратно в реку.

Я поднялась. От боли потемнело в глазах, и сокол предусмотрительно сделал вид, что не заметил.

— А теперь оглянитесь, хозяйка. По дороге едет телега.

На этот раз я увидела её сразу: тёмный кузов между деревьями, ящики под брезентом и одинокого кучера. В Лесу оборотней такой путник либо ничего не боялся, либо знал правила, которых не знала я.

Я посадила Сильвера в рюкзак, оставив горловину открытой.

— Ни слова, пока я не разрешу.

— Когда меня снова начнут ценить, я рассмотрю просьбу.

Перед дорогой я затянула порванный рукав, проверила, не сломаны ли рёбра, и выпила остаток воды. Каждый вдох причинял боль, но боль была ровной и не усиливалась — значит, идти я могла. Знахарка когда-то говорила, что храбрость начинается не с шага, а с честной оценки того, выдержит ли тело второй.

Телега удалялась. Я подняла рюкзак, дождалась, пока перестанет кружиться голова, и только тогда вошла в лес.

Я пошла за телегой, держась за деревьями. Кучер ни разу не обернулся, хотя сухие ветви выдавали каждый второй шаг. Возможно, он давно заметил слежку и ждал, куда она приведёт меня.

Дорога поднялась на перевал. За гребнем лес внезапно

оборвался, открыв зелёную равнину, широкую реку и дальнюю горную цепь. Ансара выходила из ущелья и становилась спокойнее, будто бурный поток у моста принадлежал другой реке.

Телега пересекла широкий деревянный мост. На противоположном берегу стоял двухэтажный дом с вывеской «Куриные крылышки». Из трубы шёл дым, возле коновязи теснились незнакомые животные, а под навесом разгружали ящики.

Таверна посреди пустой равнины выглядела нелепо лишь для того, кто не знал местных дорог. Для остальных она, вероятно, была границей, рынком и убежищем одновременно.

Мне нужны были вода, сведения и несколько минут у огня. Я проверила нож и вошла.

Внутри пахло жареным луком, мокрыми плащами и пряным дымом. Посетители выглядели людьми только при беглом взгляде: у одного из-под рукава проступала чешуя, другая женщина не отражалась в медном подносе, двое у окна играли костями с шестью разными тенями.

Я села у стойки так, чтобы видеть дверь. Бармен заметил мокрую одежду, поставил передо мной воду и не задал ни одного вопроса. Подобная сдержанность стоила дороже распросов.

Барменом оказалась широкоплечая женщина с седой косой. Она поставила рядом с водой миску горячего бульона и коротко указала на мои ладони.

— Сначала соль, потом вопросы. Ансара вытягивает тепло ещё несколько часов после того, как отпускает.

— Откуда вы знаете, что я была в реке?

— Вода оставляет синий ободок вокруг зрачка. К утру исчезнет, если не уснёшь на холоде.

Она представилась Мареллой, но моего имени не спросила. В ней не было ни ласковости Кельси, ни подозрительности деревенского дозора — только деловая внимательность человека, привыкшего собирать раненых с дороги.

— Мне нужен северный проход, — сказала я. — На мосту оборотни взяли моего друга.

Марелла перестала вытирать кружку.

— Какой мост?

Я описала две гнилые доски, ущелье и тропу из леса. Она достала из-под стойки карту. На месте переправы стоял знак закрытой дороги.

— Этот путь заброшен двенадцать лет. Если оборотни снова им пользуются, они ведут пленников не в обычные логова.

— Куда?

— К северным воротам или в Крепость Забвения. Ни к одному месту нельзя идти одной.

— Я была не одна.

— Теперь одна.

Ответ прозвучал жёстко, но Марелла подвинула ко мне чистую ткань для разбитых ладоней. Я промыла порезы, ста-

раясь не думать, что Север в это время не получает ни воды, ни помощи.

Над стойкой висела доска с правилами: не обнажать серебро без вызова, не произносить истинные имена после заката, не заключать сделок в состоянии голода. Последнее правило было вырезано глубже остальных.

— Почему голод так важен?

— Потому что здесь обещание слышит не только тот, кому его дают. Дорога тоже запоминает.

Я посмотрела на посетителей. Теперь их молчание казалось не равнодушием, а осторожностью. Каждый знал, что случайная фраза может стать договором.

Рядом устроился молодой мужчина в серой мантии с серебряной вышивкой. Он был старше меня лет на шесть, улыбался мягко и смотрел так, будто уже оценил цену каждой вещи при мне.

— Сеньор Роберт де Лер, — представился он. — У меня поместье неподалёку. Вам нужна работа, сухая одежда и защита.

Это прозвучало не вопросом.

— Мне нужна только вода.

— На дороге одна девушка долго не продержится. В моём доме платят щедро.

— За какую работу?

Роберт выдержал короткую паузу.

— Обязанности зависят от способностей.

— Тогда ищите человека, который согласится узнать подробности после того, как войдёт в ваш дом.

Улыбка осталась, но взгляд стал холоднее.

— Назовите цену.

— Отойдите от меня.

Он наклонился ближе.

— Здесь не отказываются от полезных знакомств.

— Теперь отказываются.

Роберт положил на стойку золотую монету. Марелла не взяла её.

— Девушка сказала нет.

— Я предлагаю защиту.

— Ты предлагаешь долг, условия которого назовёшь после согласия.

Несколько посетителей повернули головы. Роберт улыбнулся им, но пальцы на монете побелели.

— В моём доме никто не удерживается силой.

— Потому что после порога сила не требуется, — ответила Марелла.

Я запомнила эту фразу. Позже имя Роберта ещё встретится в списках пропавших людей, но уже сейчас стало ясно: его вежливость была не чертой характера, а инструментом.

Злость проступила на лице Роберта раньше, чем он успел вернуть улыбку.

— Вы слышали девушку, — сказал кто-то за соседним столом.

Там сидели двое мужчин в дорожной одежде. Говоривший держался прямо и спокойно; его зеленоглазый спутник выглядел так, будто предпочёл бы не вмешиваться, но всё равно положил ладонь на рукоять ножа.

Роберт отступил.

— Мы ещё договорим.

Дверь распахнулась прежде, чем он ушёл.

— Вампиры у моста!

Таверна замолчала. Несколько посетителей попытались исчезнуть переходом, но воздух вспыхнул серебряной сетью и вытолкнул их обратно. Роберт выругался и растворился в короткой белой вспышке — его амулет оказался сильнее блокировки.

Остальные вышли наружу. На дороге стоял отряд в чёрных доспехах и серебряных масках. Ни один вампир не обнажил оружия, но мост был перекрыт с обеих сторон.

Я задержалась под навесом. Отсюда были видны и дорога, и люди, вмешавшиеся в разговор с Робертом. Прямо держался темноволосый мужчина с зелёными глазами. Светловолосый спутник встал чуть позади и коснулся земли; камни вокруг его сапог едва заметно сдвинулись.

На крыше таверны мелькнул ещё один силуэт. Порыв ветра распахнул плащ, и я увидела худого зеленоглазого юношу. У бочки с дождевой водой ждала темноволосая девушка. Незнакомцы не собирались начинать бой, но каждый заранее выбрал, чем ответит.

Вампиров было семеро. Один хромал, у другого почернела половина серебряной маски. Эти раны они получили на мосту. Они не бросили поиски после схватки с оборотнями и шли вниз по реке, пока след не привёл к таверне.

Командир поднял пустые руки.

— По приказу Арагона мы сопровождали девушку через границу. На мосту нас перехватили оборотни. Мальчика забрали, девушка упала в Ансару. Мы ищем выжившую, а не врага.

— Тогда снимите блокировку, — ответил темноволосый мужчина.

— Пока переходы открыты, её могут увести раньше, чем мы увидим.

— Или она сама не сможет уйти от вас.

Командир помедлил. Его отряд был уставшим и слишком малочисленным для захвата всей таверны. Он знал это не хуже остальных.

— Девушку запрещено принуждать, — сказал он. — Если она откажется, мы оставим ей знак защиты и уйдём.

Это совпадало с поведением вампира на мосту, но не объясняло, почему обо мне заботился человек, имени которого я прежде не слышала.

Мужчина, защитивший меня от Роберта, вышел вперёд.

— Зачем королевскому отряду блокировать нейтральную таверну?

— Мы ищем девушку, потерянную у Ансары, — ответил

командир. — Семнадцать лет, тёмные волосы, медальон в серебряной оправе.

Он назвал мужчину Джеймсом и напомнил о конфликте с принцессой Мелисой. В ответ Джеймс лишь спросил, почему спасательная группа окружила свидетелей, словно преступников.

Имя Мелисы заметно изменило толпу. Кто-то отступил, кто-то приблизился, надеясь услышать дворцовую сплетню. Джеймс не поддержал разговор.

— Принцесса не имеет отношения к вашему приказу.

— При дворе считают иначе.

— При дворе слишком часто считают людей приложением к чужим решениям.

Вампир склонил голову, признавая удар, но не соглашась.

— Мы потеряли на мосту троих. Ещё двое пошли вниз по реке. Если девушка здесь, каждую минуту она остаётся без защиты.

Джеймс оглянулся на посетителей. Его взгляд прошёл рядом со мной, задержался на мокром следе у двери, но медальон скрывала куртка. Он искал не знакомое лицо — человека, которого могли ранить и напугать.

— Назовите условный знак приказа, — потребовал светловолосый спутник.

Командир показал серебряную пластину. На ней были два крыла над пламенем и тонкая насечка по краю.

Кто-то в толпе выругался. Другой человек резко поднял лук.

Командир положил ладонь на меч.

— Не вмешивайся. Тебе самому есть за что отвечать перед королём.

Стрела ударила вампира в плечо. Она прилетела из толпы, изменила направление в воздухе и нашла щель между пластинами.

Джеймс не вздрогнул. Вампиры решили, что нападение устроил он.

Мечи вышли из ножен одновременно. Посетители таверны ответили оружием и магией. Я оказалась между двумя сторонами, ни одна из которых не знала, что разыскиваемая девушка стоит в нескольких шагах.

Сражаться с обученными магами я не могла. Оставалось исчезнуть из поля зрения до того, как кто-нибудь заметит медальон.

Сбоку от таверны узкий мостик пересекал сухую канаву. Я добежала до него под звон металла, спрыгнула на нижнюю балку и прижалась к опоре.

В рюкзаке завозился Сильвер. Я накрыла сумку рукой, и он, к счастью, понял предупреждение.

С балки не было видно таверны. По звукам бой смещался к дороге: короткие приказы вампиров, треск заклятий, тяжёлые удары о щиты.

Над канавой мелькнула тень. Тяжёлое тело пробило кусты

и рухнуло рядом, подняв пыль.

Когда пыль улеглась, я увидела вампира, лежавшего всего в метре от меня. Его доспех был пробит, по чёрному металлу стекала тёмная кровь. Он дышал тяжело, но оставался в сознании.

Я попятилась, прижимая рюкзак к груди. Вампир мог убить меня даже раненым. Но вместо оружия он поднял пустую ладонь и посмотрел на мой медальон.

— Нашли, — едва слышно выдохнул он. — Слава высшим... Мы всё-таки нашли вас.

— Кто вы? Почему Арагон приказал вам искать меня?

Его глаза расширились — не от угрозы, а от удивления.

— Вам не сказали правду.

Сверху раздались шаги. Вампир попытался подняться, но застонал и снова упал. Я могла выбраться из-под моста и позвать на помощь тех, кто сражался против него. Могла оставить его здесь и наконец подумать о собственной безопасности.

Вместо этого я опустилась рядом, достала из рюкзака бинт и прижала ткань к пробоине в доспехе.

— Если попытаетесь меня укусить, я столкну вас в канаву, — предупредила я.

На его бледном лице появилась слабая улыбка.

— Теперь я понимаю, почему Арагон приказал защищать вас любой ценой.

— Я перевязала рану. Это ещё не повод понимать меня.

— Вы помогли существу, которого считаете чудовищем.

— В моей деревне чудовища обычно не просят разрешения приблизиться.

Вампир тихо рассмеялся и сразу поморщился. Кровь продолжала просачиваться между пластинами. Обычный бинт не мог остановить её, пока металл оставался в ране.

Я вспомнила уроки знахарки. Она учила сначала искать причину кровотечения и только потом затягивать повязку. На внутреннем крае доспеха застрял чёрный осколок — наконечник, расколовшийся от удара.

— Придётся снять пластину.

— Защита запечатана.

— Тогда выбирайте: нарушить печать или истечь кровью в очень надёжных доспехах.

Он назвал Дорианом и произнёс короткое слово. Застёжки разошлись. Под металлом обнаружилась глубокая рана с потемневшими краями. Осколок был отравлен пеплом, который мешал вампирской плоти затянуться.

Я вытянула наконечник ножом и засыпала рану порошком. Дориан не закричал, только вцепился пальцами в землю.

— На мосту вы не стали спасать Севера.

— Наш приказ касался вас. Обратней было втрое больше. Если бы мы разделились ещё раз, погибли бы все.

— Удобное объяснение.

— Нет. Удобное звучало бы так: мальчик не имел значе-

ния. Но он имел. Мы просто выбрали того, кого обязались сохранить.

Его честность злила сильнее оправдания. Я понимала расчёт и всё равно видела руку Севера над сломанными досками.

— Арагон знал, что я пойду к мосту?

— Он знал, что вы попыгаете перейти границу, если семье угрожает опасность.

— Откуда?

Дориан отвёл взгляд.

— Мне сообщили приметы, маршрут и запрет причинять вам вред. Причину главнокомандующий не обсуждает с солдатами.

— Он знал мою семью?

Вопрос не вызвал у вампира заметной реакции.

— Не знаю. Но приказ был отдан раньше, чем в военную канцелярию пришла весть о нападении на вашу деревню.

Это означало, что Арагон ожидал беды заранее. Возможно, он знал и о похищении родителей. От вопросов стало холоднее, хотя одежда почти высохла.

Дориан коснулся серебряной цепочки на груди.

— Если я не дойду до отряда, заберите пластину. Настоящая насечка светлеет от крови владельца. Подделка чернеет.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что тот, кто устроил засаду на мосту, видел наш приказ. Значит, при дворе есть человек, который хочет до-

браться до вас раньше Арагона.

До этой минуты я боялась только тех, кто шёл по следу. Теперь пришлось подумать и о тех, кто заранее проложил мне дорогу.

Над канавой скрипнула доска. Мы замолчали. Между досками мелькнула тень, и голос сверху произнёс: «Здесь кто-то есть».

Глава 4

Пятый голос

Тень над мостом не двигалась. Я по-прежнему прижимала сложенную ткань к пробойне в доспехе вампира и чувствовала, как под пальцами горячо пульсирует чужая кровь. Раненый смотрел на меня снизу вверх, будто хотел что-то сказать, но не решался выдать нас звуком. Доски едва заметно прогнулись. Тот, кто стоял наверху, был совсем близко.

— Я слышал голос, — произнёс незнакомец. — Выходите. Медленно.

Вампир нащупал рукоять меча, однако пальцы тут же разжались. Для новой схватки у него не осталось сил. Я могла убежать, оставив его под мостом, но тогда он либо истечёт кровью, либо ударит мне в спину из страха. Пришлось выбирать третий путь.

— Я выйду, — сказала я громче. — Но сначала вы обещаете, что не станете убивать раненого.

Некоторое время слышалась только далёкая суматоха у

таверны. Затем человек над нами ответил:

— Если он не нападёт, останется жив.

Я не особенно поверила обещанию, но ждать было опаснее. Соскользнув с балки, я выбралась из-под мостика и сразу увидела Джеймса. На близком расстоянии он казался старше, чем у таверны: не из-за лица, а из-за усталости во взгляде. Лук он держал опущенным, зато стрела уже лежала на тетиве. За его плечом стоял светловолосый юноша с коротким клинком.

— Она здесь, Никрас, — бросил Джеймс, не сводя с меня глаз. — Позови остальных.

— Сначала помогите ему, — потребовала я.

— Вампиру?

— Раненому. Если вам так проще.

Джеймс едва заметно нахмурился. Его взгляд скользнул по моим окровавленным рукам и остановился на медальоне. Он узнал старую оправу — не меня. Растерянность длилась одно мгновение, затем лицо снова стало непроницаемым.

— Он пришёл за вами, — сказал Джеймс.

— Он сказал, что его отправил главнокомандующий Арагон.

— И вы ему поверили?

— Нет. Поэтому и задаю вопросы, а не иду с ним добровольно.

Из-под мостика донёсся сдавленный стон. Джеймс опустился на одно колено, сохраняя расстояние, и велел вампи-

ру показать руки. Тот повиновался. На его груди под разорванным плащом блеснул знак летучей мыши, а под ним — тонкая серебряная цепочка с маленьким гербом: двумя крыльями, соединёнными над пламенем.

— Приказ Арагона де Ларбо, — прохрипел вампир. — Девушку доставить живой. Не удерживать силой, если она откажется. Мальчик в приказе не значился. На мосту вмешались оборотни, отряд разделился. Мы потеряли её след у реки.

При словах «мальчик не значился» я вспомнила руку Севера, исчезнувшую среди волчьих тел. Вина ударила сильнее, чем боль в разбитом плече.

— Вы видели, куда его увели?

— Северный проход. Больше ничего не знаю.

— Тогда покажете дорогу.

Вампир горько усмехнулся:

— Если переживу эту ночь.

К нам уже бежали трое. Впереди — темноволосая девушка, та самая, что спорила с Джеймсом в таверне. За ней спешили худощавый парень с зелёными глазами и Никрас. Увидев вампира, девушка подняла ладонь, и над её пальцами закружилась вода, собравшаяся из сырого воздуха в тонкое прозрачное лезвие.

— Нарина, стой, — приказал Джеймс.

— Он из королевского отряда.

— И сейчас не представляет угрозы.

— Пока не представляет.

Я встала между ними прежде, чем успела испугаться собственной дерзости.

— Он знает, в какую сторону увели Севера. Если вы его убьёте, я потеряю единственного свидетеля.

Нарина посмотрела на меня так, будто решала, кто опаснее: вампир или незнакомая смертная, заслонившая его собой. Водяное лезвие дрогнуло и рассыпалось каплями.

— У нас нет времени лечить королевских солдат, — сказала она.

— Тогда оставьте мне перевязочный порошок и уходите.

— Вы не понимаете, куда попали.

— Именно поэтому не позволю вам решать за меня.

Джеймс отвёл взгляд, скрывая неожиданную улыбку. Это разозлило меня ещё сильнее.

— Что смешного?

— Ничего. Просто одна девочка когда-то говорила точно так же.

— И что с ней стало?

Его лицо снова закрылось.

— Она исчезла.

Никрас присел рядом с вампиром и провёл ладонью над пробитым доспехом. Каменная крошка под мостом зашевелилась, поднялась и сомкнулась вокруг разрыва, образуя временную пластину. Раненый вздохнул свободнее.

— Этого хватит до ближайшего поста, — сказал Никрас.

— Идти сможете?

Вампир кивнул и, опираясь на опору моста, с трудом поднялся. Перед тем как уйти, он вложил мне в ладонь металлическую пластинку с гербом.

— Покажите любому из нашего отряда. Вас не тронут. Но не доверяйте тем, кто носит знак без серебряной насечки. Литас умеет подделывать королевские печати.

— Кто такой Литас?

— Человек, которому слишком нравится быть рядом с троном.

Он посмотрел на Джеймса, словно хотел добавить что-то ещё, но передумал. Затем скрылся за деревьями, держась в тени. Никто его не преследовал.

У таверны бой почти закончился. Несколько вампиров отступили к мосту через реку, прикрывая друг друга щитами. Остальные растворились в серебристом мареве, когда поставленная ими блокировка ослабла. Хозяин таверны кричал на всех сразу и требовал оплатить разбитые окна. Мне хотелось вернуться и расспросить Альберта, однако Джеймс остановил меня.

— Через несколько минут сюда прибудет второй отряд. Они не станут разговаривать.

— Первый искал меня по приказу Арагона.

— А второй может служить тому, кто только притворяется его союзником. Если хотите дожить до встречи с семьёй, лучше уйти сейчас.

Он протянул руку, но я не приняла помощь.

— Куда?

— В убежище. Там решите, что делать дальше.

Выбора у меня почти не осталось, но я не хотела отдавать его без борьбы.

— Я пойду с вами при трёх условиях. Вы не забираете медальон. Не запираете меня. И утром помогаете найти северный проход, о котором говорил вампир.

— А если мы откажемся?

— Тогда я останусь здесь и договорюсь со следующим отрядом сама.

Нарина тихо выругалась, а зеленоглазый парень присвистнул. Джеймс несколько секунд изучал меня, затем убрал стрелу в колчан.

— Согласен. Но если начнётся погоня, вы выполняете мои приказы.

— Только те, которые помогают нам выжить.

— Вы всегда торгуетесь?

— Только когда меня пытаются куда-то увести.

Мы покинули дорогу и почти бегом углубились в лес. Никрас замыкал отряд, стирая следы: стоило ему провести ладонью над землёй, как примятая трава выпрямлялась, а отпечатки сапог заполнялись сухой пылью. Нарина несколько раз останавливалась, касалась коры деревьев и прислушивалась к движению воды под корнями. Зеленоглазый парень, назвавшийся Руфином, двигался впереди и отмечал путь ко-

роткими порывами воздуха.

Убежище оказалось неприметной сторожкой, прижатой к склону холма. Внутри пахло смолой, сухими травами и пылью. Я успела заметить две комнаты, стол и лестницу в подвал, прежде чем медальон обжёг кожу.

Сначала мне показалось, что кто-то сжал горло. Воздух стал тяжёлым, звуки отдалились. Серебряная оправка медальона вспыхнула, и по стенам прошла бледная волна. Джеймс успел подхватить меня, но его руки ощущались чужими и далёкими.

— Уберите защитный контур! — крикнул он. — Он давит на её амулет!

Кто-то произнёс незнакомое слово. Давление исчезло, однако темнота уже накрыла меня.

Очнулась я на деревянной кровати. В висках пульсировала боль, а за дверью спорили.

— Мы не знаем, кто она, — говорила Нарина. — Смертная не может перейти границу, пережить реку Ансару и заставить охранный контур погаснуть.

— Контур не погас, — возразил Никрас. — Он пропустил её. Это разные вещи.

— Тем хуже.

— Королевские вампиры искали её по приказу Арагона, — сказал Джеймс. — Значит, она важна.

— Или опасна.

Я осторожно села. На стуле рядом лежал мой рюкзак, а

из неплотно затянутой горловины доносилось возмущённое сопение. Сильвер, к счастью, остался при мне.

— Если вы и дальше будете обсуждать меня через дверь, я начну отвечать, — громко сказала я.

Спор мгновенно стих. Первой вошла Нарина. Она держалась настороженно, но протянула мне кружку воды.

— Как себя чувствуешь?

— Как человек, которого без спроса пронесли через магическую ловушку.

— Это был охранный круг, а не ловушка.

— Разница пока неочевидна.

Руфин рассмеялся, за что получил от Нарины сердитый взгляд. Никрас остался у двери, а Джеймс прислонился к стене. Я заметила, что он по-прежнему следит не за мной, а за медальоном.

— Вы знаете этот знак? — спросила я.

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

— Тогда почему смотрите?

— Потому что похожую оправу я видел много лет назад.

— У кого?

— У девочки по имени Рената.

Имя отозвалось во мне странным толчком. Не воспоминанием — скорее болью от слова, которое должно было что-то значить. Я сжала медальон и заставила себя не показать растерянности.

— Я не знаю никакой Ренаты.

— Я так и думал.

В его голосе прозвучало разочарование, смешанное с облегчением. Нарина перевела взгляд с него на меня, но расспрашивать не стала.

Сильвер выбрал этот момент, чтобы вырваться из рюкзака. Он взметнулся под потолок и с криком «За хозяйку!» бросился на Нарину, которая первой потянулась к сумке. Девушка пригнулась, Руфин опрокинул стул, Никрас попытался поймать птицу плащом, а Джеймс остался на месте, наблюдая за бедствием с невозмутимым лицом.

— Сильвер, прекрати!

Сокол завис в воздухе и медленно стал видимым: серебряные перья проступили одно за другим, будто их рисовали светом.

— Я всего лишь защищал ваше имущество, — заявил он.
— Эти подозрительные личности уже обсуждали, как вас разобрать на тайны.

Нарина выпрямилась и поправила волосы.

— Вывертень.

— Сокол, — оскорблённо поправил Сильвер.

— Вывертень в облике сокола, — уточнил Никрас. — Редкий. И очень разговорчивый.

— Наконец-то образованный человек.

Я велела Сильверу сесть на спинку кровати и пообещала снова спрятать его в рюкзак, если он кого-нибудь клонет.

После этого мы перешли в соседнюю комнату. На столе лежала карта, испещрённая линиями, большая часть которых уходила к горному хребту на востоке.

— Расскажите только то, что нужно мне сейчас, — попросила я. — Без сказок на всю ночь. Где я и почему люди здесь называют себя бессмертными?

Никрас провёл пальцем по карте.

— Ты в мире Странников. Он соприкасается с миром смертных у старых границ: рек, лесов, перевалов. Обычный человек не видит переход и возвращается туда, откуда пришёл. Тебя провела Ансара.

— Река выбирает, кого пропустить?

— Иногда. Чаше она просто убивает нарушителя, — без всякой насмешки ответила Нарина.

Руфин торопливо добавил:

— Но с тобой всё закончилось хорошо.

— Север остался на мосту. Для него ничего не закончилось.

Я развернула металлическую пластинку вампира и положила рядом с картой. Джеймс указал на узкую дорогу, тянущуюся вдоль северных предгорий.

— Обратни могли уйти сюда. Но проход охраняется, а прямой путь займёт несколько дней. Нам нужен человек, способный увидеть, куда именно они телепортировались.

— Предсказатель?

Нарина нахмурилась.

— На Горе Ведьм живёт Ванесса. Она может читать следы переходов, но город контролируют королевские дозоры. Для нас это почти самоубийство.

— Почему для вас?

Руфин хотел ответить, но Джеймс остановил его взглядом.

— Потому что нас ищут.

— За что?

— У каждого своя причина.

— Удобный ответ.

— Другого сегодня не будет.

Я посмотрела на лица вокруг стола. Нарина явно хотела уйти как можно дальше от города. Никрас беспокоился о ней, хотя старался этого не показывать. Руфин прятал тревогу за улыбкой. Только Джеймс казался спокойным, но под его пальцами край карты начал тлеть. Он тут же убрал руку, и крошечный огонёк погас.

— Вы странники? — спросила я.

— Да, — ответил Никрас. — Потомки стражей и смертных. Мы выполняем поручения стражей в человеческом мире и владеем частью их магии. Вампиры тоже служат короне, но относятся к другому народу. Оборотни давно вышли из подчинения и поддерживают Ариона.

— Кто такой Арион?

— Причина, по которой старые договоры больше ничего не стоят, — сказал Джеймс. — Остальное позже.

Снаружи послышался свист. Руфин распахнул ставню и

тут же закрыл её.

— Дозор. У нас минута.

Комната мгновенно пришла в движение. Никрас свернул карту, Нарина собрала склянки, Руфин откинул люк в полу. Я затащила рюкзак и спустилась вслед за Джеймсом, прежде чем кто-либо успел меня подталкивать.

Под сторожкой начиналась сеть старых тоннелей. В стенах мерцали вкрапления синего камня, давая достаточно света, чтобы не разбить голову о низкий свод. На развилках Джеймс не колебался, словно бывал здесь десятки раз. Один раз он остановил меня рукой: впереди прошла волна холода, и на камне возникло изображение летучей мыши.

— Поисковая метка, — прошептала Нарина. — Они рядом.

Я достала пластинку с гербом. Серебряная насечка нагрелась и поглотила знак, оставив на стене пустое влажное пятно.

— Похоже, подарок вампира пригодился, — сказала я.

Джеймс посмотрел на меня иначе — уже не как на случайную смертную, которую приходится спасать.

— Вы быстро учитесь.

— Я хочу вернуть семью. Это убедительный учитель.

Через несколько часов тоннель вывел нас в долину, скрытую между лесистыми холмами. Солнце уже садилось, окрашивая траву золотом. Здесь не было ни домов, ни дорог, только ручей и круг старых камней, внутри которого нельзя

было разжечь обычный огонь. Нарина провела ладонью над водой, Руфин направил воздух, а Джеймс высек пламя прямо из камня. Никрас замкнул круг землёй, и костёр вспыхнул, не давая дыма.

За ужином мне наконец назвали всех. Нарина владела водой и лечением, Никрас — землёй и защитными контурами, Руфин — воздухом и поисковыми заклятиями. Джеймс о себе ничего не сказал, но огонь у его ладоней говорил достаточно.

— Формально руководит Джеймс, — сообщил Руфин. — А духовно, нравственно и особенно красиво — я.

— Формально ты отвечаешь за котелок, — отрезала Нарина.

— Власть начинается с продовольствия.

Их перебранка впервые за последние дни заставила меня улыбнуться, но чувство безопасности не пришло. За пределами каменного круга шелестел лес, где могли скрываться вампиры, оборотни или существа, названий которых я ещё не знала. Я достала карту, которую успела запомнить, и палкой начертила на земле путь к Горе Ведьм.

— Ванесса поможет найти Севера и моих родителей?

— Если след ещё существует, — ответила Нарина. — Но я против возвращения в город.

— Я тоже, — сказал Никрас.

— А я за, — неожиданно произнёс Руфин. — Мы два года бежим, не решая ничего. Пора получить ответы.

Все посмотрели на Джеймса.

— Я за, — сказал он. — Мне тоже нужна Ванесса.

Голоса разделились поровну. Тогда Джеймс повернулся ко мне.

— Решать вам. Можем обойти город и вывести вас к северной дороге. Это безопаснее. Или рискнуть и подняться на Гору Ведьм.

Ещё вчера я позволила Северу убедить меня, что он лучше знает, как спасти мою семью. На мосту я бежала, когда нужно было остаться рядом. Теперь мне предлагали безопасность, но за ней не было ответа.

— Мы идём к Ванессе.

Нарина закрыла глаза, принимая решение.

— Тогда выступаем до рассвета. В городе нельзя называть настоящие фамилии и показывать магию.

— А имя?

— Имя можешь оставить.

Я уже хотела согласиться, когда в памяти снова прозвучало сказанное Джеймсом: девочка по имени Рената. Слово было чужим, но почему-то ложилось на язык слишком легко.

— В городе я буду Асей, — решила я. — Этого достаточно.

Джеймс долго смотрел в огонь. Пламя возле его ладони вытянулось тонкой нитью и на мгновение сложилось в букву, которую я не успела разглядеть.

В ту ночь первым дежурил он. Я легла у потухающих кам-

ней, сжимая пластинку Арагона, и впервые ясно поняла: дорога к моей семье ведёт не назад, в смертный мир, а дальше — туда, где обо мне знают больше, чем я сама.

Глава 5

Ложь перед зеркалом

Литас любил входить в тронный зал так, чтобы его шаги слышали заранее. Мрамор возвращал каждый удар каблука густым эхом, слуги успевали прижаться к стенам, а стража — вытянуться ещё до того, как он показывался из-за поворота. В такие минуты ему казалось, что дворец принадлежит ему не меньше, чем человеку на троне.

Сегодня эхо раздражало. Оно напоминало о провале у границы, о потерянной девушке и о том, что оборотни снова проявили самостоятельность там, где должны были исполнить приказ без лишнего шума. Литас поправил застёжку чёрного плаща и остановился перед высокими дверями. По обе стороны от них стояли вампиры в парадных доспехах, и оба смотрели на него без подобающего почтения.

— Его Величество ждёт доклад, — произнёс один.

— Я знаю, зачем пришёл.

Створки открылись. Литас вошёл, заранее придав лицу выражение верного советника, которому тяжело сообщать дурные вести. Тронный зал оказался пуст. Утренний свет лежал на золотых колоннах, витражи отбрасывали на пол цветные пятна, а над возвышением неподвижно висело знамя с

двумя крыльями и пламенем.

— Ну и где его носят, когда он нужен? — пробормотал Литас.

— Неподалёку.

Голос прозвучал за спиной. Литас обернулся слишком резко и тут же пожалел об этом.

Мерзен стоял у входа без короны и мантии. На нём были белая рубаха, тёмные брюки и тонкие перчатки, словно он только что покинул тренировочный двор. Простая одежда не делала его менее опасным. Напротив, без золота и церемоний король напоминал воина, которому не требуется чужое разрешение на власть.

— Ваше Величество, — Литас поклонился. — Я не слышал, как вы вошли.

— В этом и состоял замысел. Докладывай.

Мерзен прошёл к окну и остановился спиной к залу. Литасу пришлось говорить, не видя его лица.

— Перехват у границы сорван. Оборотни появились раньше условленного времени. На мосту началась схватка, девушка упала в Ансару. Вампиры проследили течение до таверны, но там столкнулись с беглецами и потеряли цель во время боя.

— Кто отдал приказ вступить в бой у таверны?

— Командир отряда счёл, что девушку удерживают.

— Я спрашивал не о его суждении.

Литас помедлил.

— Приказа не было.

— Значит, командир будет снят. Остальные продолжают поиски без знаков королевской службы. Девушку не трогать, не связывать и не перемещать против воли. Их задача — не доставить её ко мне, а сохранить ей жизнь.

Последняя фраза не совпадала с тем, что Литас надеялся услышать.

— Простите, государь, но зачем посылать лучших солдат, если вы не намерены вернуть её во дворец? Это всего лишь смертная.

Мерзен обернулся. На его лице появилась лёгкая скука, однако взгляд оставался внимательным.

— «Всего лишь смертная» пересекла границу, пережила Ансару и заставила старую защиту признать себя. Разве этого недостаточно для интереса?

— Значит, на ней остался след старой магии?

— Возможно.

— И медальон может подчинить нежить?

Король чуть заметно улыбнулся.

— Именно так я сказал?

Литас понял, что поспешил, но отступать было поздно.

— Я лишь сопоставил известные мне сведения.

— Тогда сопоставляй молча.

Мерзен снова отвернулся к окну. Внизу, на внутреннем дворе, тренировались молодые стражи. Их клинки вспыхивали то белым, то красным светом, но ни один удар не дости-

гал противника без платы: после каждого заклятия воин на мгновение терял равновесие. Магия никогда не появлялась из пустоты, и король следил, чтобы это помнили даже дети знатных родов.

— Что с мальчиком? — спросил он.

— Обратни увели его северным переходом. Вампиры не вмешались: их приказ касался только девушки, а сил для второй схватки не оставалось.

— Имя?

— Север. Фамилии нет. Жил среди смертных.

На перчатке Мерзена проступил иней. Он медленно сжал руку, и белые кристаллы растаяли.

— Узнай, куда его доставили. Без попыток освободить. Пока.

— Почему?

— Потому что ты советник, Литас, а не мой исповедник.

Мерзен отпустил его жестом. Литас поклонился, но у дверей король остановил его:

— И ещё. Если с девушкой что-нибудь случится, я начну искать человека, который сообщил оборотням маршрут вампиров. Думаю, поиск окажется недолгим.

Литас почувствовал, как между лопаток выступил холодный пот.

— Вы подозреваете измену во дворце?

— Я всегда подозреваю измену во дворце.

За дверями он позволил себе выдохнуть. Стражники не

повернули голов, но Литас был уверен, что оба слышали слишком много. На миг возникло желание распорядиться об их переводе в дальний гарнизон. Он отказался от мысли: поспешная жестокость выдаёт страх, а страх при дворе пахнет сильнее крови.

Он направился в западное крыло, однако на первой развилке остановился. На стене висел официальный портрет королевской семьи: Мерзен, его жена и Мелиса. Принцесса была изображена совсем юной, ещё до битвы и потери памяти. Художник придал ей спокойный взгляд и сходство с матерью, которого в действительности почти не было.

Литас задержался у картины дольше, чем следовало. Когда-то он верил, что чужая кровь и титул способны заменить любовь. Позже понял: титул заменяет почти всё, если находится в правильных руках. Ему только не повезло родиться человеком, которому дозволено стоять возле трона, но не занимать его.

— Любуетесь семейным счастьем?

Арагон вышел из-за колонны бесшумно. На нём был дорожный плащ, запылённый у подола, а на запястье темнел свежий след от магической цепи. Литас не знал, откуда младший брат короля вернулся, и это беспокоило его больше самой встречи.

— Милорд Арагон. Я не ожидал увидеть вас во дворце.

— Поэтому и не успели подготовить лицо?

— Не понимаю, о чём вы.

— Разумеется.

Арагон посмотрел на портрет, затем на Литаса.

— Что ты сказал Мерзену о девушке?

— Всё, что известно. Она погибла в реке.

— Ложь.

— Почему же? Ансара не щадит смертных.

— Она не щадит чужих.

Ответ прозвучал слишком уверенно. Литас мысленно отметил его.

— Вы считаете Асирию своей?

Взгляд Арагона стал тяжёлым.

— Я считаю, что тебе не следует произносить её имя.

Литас поклонился, пряча раздражение.

— Тогда объясните, зачем вы послали вампиров. Они могли привести её прямо к королю.

— Они должны были защитить её от твоих оборотней.

— Моих?

— Ты прав. Оговорка. Оборотни никогда не служили тебе. Они лишь позволяют думать, что служат.

Арагон прошёл мимо, но Литас окликнул его:

— Король рассказал мне о старом амулете. Если девушка случайно носит вещь, способную тревожить нежить, скрывать её опасно.

— Мерзен рассказал тебе ровно то, что хотел, чтобы ты передал своему хозяину.

На этот раз Литас не сумел скрыть испуг. Арагон усмех-

нулся без радости.

— Передай ему ещё кое-что. Девочка жива. И если кто-нибудь приблизится к ней с приказом убить, я узнаю.

— Это угроза?

— Предупреждение. Угрожать я буду позже.

Арагон ушёл в тронный зал. Литас остался перед портретом, чувствуя, как привычная уверенность даёт трещину. Мерзен подозревал его. Арагон, возможно, знал о зеркале. Оборотни нарушили порядок действий. В стольких ошибках требовалось найти виновного прежде, чем виновным назначат его.

* * *

За закрывшимися дверями Арагон сбросил капюшон и прислонился к колонне. Путевая магия оставила на висках седые пряди, которых утром ещё не было. Мерзен молча налил ему воды и дождался, пока брат сделает несколько глотков.

— След нашёл?

— Ансара вынесла девушку к восточной долине. Дальше её укрыл кто-то, владеющий огнём.

— Джеймс.

— Вероятно.

Мерзен подошёл к карте государства. Серебряные нити отмечали королевские отряды, красные — замеченные переходы оборотней. Между рекой и Горой Ведьм мерцала новая точка.

— Он не отдаст её вампирам и не приведёт во дворец по собственной воле, — сказал король.

— Поэтому приказ запрещает принуждение.

— Приказ, о котором заранее узнали оборотни.

Арагон поставил кубок. На камне выступила тонкая трещина.

— Маршрут передали из дворца. Литас либо участник, либо приманка.

— Он слишком самолюбив, чтобы довольствоваться ролью приманки.

— Самолюбие ещё не делает его главным.

Они замолчали. С тренировочного двора доносился звон клинков. Дворец продолжал жить по расписанию, хотя кто-то внутри него подделывал военные приказы и направлял людей к границе.

— Почему эта девушка находится под твоей личной защитой? — спросил Мерзен.

— Потому что однажды я дал слово.

— Кому?

— Человеку, который сейчас не может потребовать его исполнения.

Ответ ничего не объяснял, и Арагон это понимал. Мерзен не стал настаивать: брат умел хранить военные тайны даже от короля, но за каждую такую тайну однажды приходилось платить.

— Литас побежит к зеркалу, — сказал Арагон.

— Пусть. Он услышал историю о медальоне, тревожащем нежить. Достаточно правды, чтобы его хозяин заинтересовался вещью, и достаточно лжи, чтобы ошибиться в её назначении.

— Ошибка не мешает им охотиться на носительницу.

— Поэтому вампиры останутся рядом, но не станут её задерживать. А Литас выведет нас на того, кто принимает его доклады.

Арагон посмотрел на мерцающую точку.

— Если расчёт окажется неверным, я не стану ждать решения совета.

— Я и не рассчитывал, что станешь.

В этом не было согласия. Только знание того, где закончится власть короля и начнётся личная война его главнокомандующего.

Арагон ушёл через боковую дверь. Мерзен остался у карты и коснулся красной нити, тянувшейся к Горе Ведьм.

— Доберись до горы, Ася Венгерских, — тихо сказал он.
— Там поддельным приказам труднее притворяться правдой.

* * *

Литас спустился на этаж ниже, в малую галерею советников. Среди официальных портретов один всегда заставлял его замедлять шаг: влиятельный придворный стоял рядом с женой и двумя детьми. Художник написал безупречную семью, но оставил в лицах детей сходство, которое при дворе

предпочитали не замечать.

Литас коснулся изображения женщины.

— Ты могла выбрать иначе.

Из-за рамы донёсся едва слышный стук. Заклятие, связанное с далёким замком, оставалось целым. Этого было достаточно. Пока прежние хозяева дома не могли заговорить свободно, их история принадлежала тому, кто первым расскажет удобную версию.

Литас отдернул руку. Он убеждал себя, что хотел справедливости, но всякий раз представлял не освобождение пленников, а их запоздалое признание: его положение, его кровь, его право. Даже любовь в его памяти постепенно превратилась в спор о власти.

Когда-то ему казалось, что достаточно стать незаменимым советником — и двери, закрытые происхождением, откроются сами. Он приносил двору сведения, угадывал желания влиятельных людей, соглашался на поручения, от которых другие отказывались. Двор принимал услуги и всё равно напоминал, где ему положено стоять.

Литас не заметил момента, когда желание заслужить место сменилось желанием наказать тех, кто его не дал. Теперь любое унижение прошлого служило доказательством, что он имеет право на новое. Месть была удобнее памяти: она никогда не требовала спрашивать, сколько боли он причинил сам.

Литас отдернул руку и продолжил путь. В конце галереи

он отпер неприметную дверь и оказался в старом служебном коридоре. Здесь не было позолоты: только сырой камень, редкие факелы и запах заброшенных комнат. Дворцовые слуги избегали западной башни, считая, что в ней сохранилась запретная магия после последней битвы. Литас не разубеждал их.

Перед глухой стеной он достал металлический стержень и ударил по камню семь раз. Четыре коротких удара, два длинных, один короткий. Каждый звук забирал немного тепла из пальцев. Когда ладонь онемела, в кладке проступила дверь.

Магия переходов не терпела бесплатных путей. За право войти Литас отдавал чувствительность руки; за право вызвать хозяина зеркало брало воспоминание. Сначала исчезали мелочи — вкус вина, имя слуги, мотив старой песни. Однажды зеркало забрало целый летний день, проведённый рядом с женщиной с портрета. Литас обнаружил потерю только потому, что сохранилось письмо, написанное её рукой.

Он поднялся по спиральной лестнице. В тайной комнате стояли ящики, покрытые пылью, но зеркало в раме из переплетённых змей оставалось безупречно чистым. Литас запер дверь, снял перчатку и приложил онемевшую ладонь к стеклу.

Поверхность потемнела. В отражении исчезли его лицо и комната, уступив место бесконечному серому пространству.

— Ты опоздал, — произнёс голос.

— Простите, мой господин.

— Я не спрашивал, сожалеешь ли ты.

Литас склонил голову.

— Из дворца отправили отряд за носительницей старого медальона. Её зовут Асирия Венгерских. Она выросла среди смертных, а вещь воздействует на нежить.

— Способный?

— Так сказал король.

В серой глубине появился высокий силуэт. Лица разглядеть не удавалось, только глаза отражали холодный свет.

— Мерзен слишком долго правит, чтобы делиться правдой с предателем.

Литас невольно вспомнил слова Арагона.

— Он не знает, кому я служу.

— Он позволил тебе услышать историю об оружии, способном подчинить нежить. Что, по-твоему, ты должен был сделать после этого?

— Сообщить вам.

— Вот видишь. Иногда даже ты способен мыслить.

Насмешка обожгла сильнее пощёчины.

— Девушка упала в Ансару, но выжила, — продолжил Литас. — Сейчас она с Джеймсом и его спутниками. Они направляются к Горе Ведьм.

Силуэт приблизился.

— С Джеймсом?

— Да.

— Любопытно. Старые узлы затягиваются раньше, чем я

рассчитывал.

— Прикажете схватить её?

— Живой.

— Она смертная. Если окажет сопротивление, безопаснее забрать медальон, а от неё избавиться.

Стекло вспыхнуло. Литаса отбросило к двери, и из лёгких вышибло воздух. По груди разлилась боль, будто невидимые когти разорвали кожу.

— Не тебе решать, кем можно пожертвовать, — сказал голос. — Девушка нужна живой. Джеймс тоже. Остальных можешь использовать, если это приблизит их к горе.

— А мальчик по имени Север?

В зеркале впервые наступила пауза.

— Его доставят на север. Не вмешивайся.

— Он важен?

— Каждый забытый ребёнок однажды вспоминает, кем был. Иногда это разрушает королевства.

Литас поднялся, держась за стену.

— Я всё исполню.

— Нет. Ты постарайся. Исполняют те, кому я доверяю.

Серое пространство исчезло. В зеркале снова отразилась тесная комната и человек с рыжими волосами, на мгновение показавшийся самому себе жалким. Литас ударил кулаком по раме.

Стекло взяло плату за разговор. Он почувствовал это сразу: в памяти осталось письмо женщины, её почерк, даже за-

пах бумаги, но он больше не мог вспомнить, как звучал её смех. Литас закрыл глаза, пытаясь вернуть хотя бы отголосок. Ничего.

На зеркальной поверхности проступила тонкая надпись: «ГОРА ВЕДЬМ».

Литас надел перчатку и достал из внутреннего кармана две печати. Одна принадлежала королевской службе и несла серебряную насечку. Вторая была почти такой же, но серебро заменял сплав, темневший при соприкосновении с кровью.

Он выбрал поддельную.

У двери уже ждал человек в дорожном плаще. Лицо скрывал капюшон, на шее виднелся шрам от оборотня.

— Передай отряду новый приказ, — сказал Литас. — На Горе Ведьм появятся четверо беглецов и смертная девушка. Не нападать на неё открыто. Закрывать выходы, подтолкнуть к замку и заставить поверить, что единственное безопасное место находится внутри.

— Чьё имя поставить под приказом?

Литас прижал фальшивую печать к воску.

— Арагона де Ларбо.

Посыльный забрал свиток и исчез в переходе. Литас вернулся к зеркалу. Теперь в нём отражалась только его собственная улыбка.

Он ещё не знал, что серебряная насечка на настоящих приказах Арагона была не украшением, а защитой. Поддель-

ная печать могла обмануть солдата, но не того, ради кого её создавали.

Глава 6

Город на горе

Нарина разбудила меня до рассвета, коснувшись холодными пальцами лба. Я мгновенно села и схватилась за медальон. Несколько секунд круг камней, спящие люди и бледное небо смешивались с кошмаром, в котором Север стоял посреди заснеженного поля. За его спиной поднимались белые башни, а перед ним на коленях склонялись воины в серебряных доспехах.

Во сне он обернулся и сказал: «Ты опоздала». Затем лёд под его ногами треснул, и из чёрной воды потянулись волчьи лапы.

— Ася, это я, — тихо произнесла Нарина. — Ты кричала. Я провела ладонью по лицу. Щёки были мокрыми.

— Кого звала?

— Севера.

— Мы найдём Ванессу.

Обещание прозвучало неуверенно, но я была благодарна уже за то, что Нарина не стала убеждать меня забыть похищенного друга. Она протянула кружку с тёплым отваром. В нём чувствовались мята, ягоды и что-то горькое, от чего голова быстро прояснилась.

Остальные уже собирали лагерь. Никрас размыкал камен-

ный круг, возвращая поднятые глыбы в землю. Руфин гасил следы запаха порывами ветра. Джеймс стоял у ручья и держал над водой ладонь. На его коже тлела тонкая огненная линия, а пар складывался в карту окрестностей.

Я подошла ближе. Джеймс тут же сжал пальцы, уничтожая изображение.

— Не доверяете?

— Не хотел будить остальных.

— Они не спят.

— Тогда не хотел пугать вас.

— Поздно. Что было на карте?

Он кивнул на северо-восток.

— Два королевских дозора. Один перекрыл прямую дорогу к горе. Второй идёт по нашему следу, но пока ищет у реки.

— Откуда вы знаете?

— Огонь запоминает тех, кто проходил рядом с ним. Ночью дозорные грелись у сигнальных чаш.

— Значит, магия может показать всё, что происходило у костра?

— Только недавнее и только тому, кто отдаёт ей собственное тепло. — Он показал побелевшие пальцы. — Если держать видение дольше, можно лишиться чувствительности.

Это было первое понятное правило магии, которое мне назвали: за каждое действие приходилось платить. Я вспомнила онемевшее тело в сторожке и поняла, что мой медальон

тоже взял что-то, хотя пока не знала что.

— Вчера защитный круг почти задушил меня.

— Не круг. Столкнулись две силы, и ни одна не захотела уступать.

— Медальон защищал меня?

— Или проверял.

— Вы отвечаете так, будто знаете больше.

Джеймс посмотрел на серебряную оправу.

— Я знаю только, что у Ренаты был похожий узор.

— Кем она была?

— Девочкой, которая сбегала в город под чужим именем и считала, что никто не замечает.

— Вы дружили?

— Иногда. Потом она исчезла. А много лет спустя я решил, что встретил её снова.

— И встретили?

— Нет. Я ошибся.

В его голосе появилась жёсткость. Я не стала спрашивать о Мелисе, хотя догадалась, что речь идёт о ней. Имя Ренаты снова отзывалось внутри странной пустотой. Если бы Джеймс лгал, мне было бы проще; хуже было то, что он явно говорил правду.

— Готовы? — крикнула Нарина.

Мы отправились на восток, когда солнце только коснулось верхушек деревьев. Прямую дорогу пришлось оставить. Джеймс повёл нас по склону, где корни выступали из зем-

ли, а мокрые камни скользили под ногами. Отряд двигался быстро, и уже через час дыхание у меня сбилось. Я не жаловалась: каждый шаг приближал меня к человеку, способному найти Севера.

Руфин заметил мою усталость и предложил привал.

— Не нужно.

— Если упадёшь, понесёт Никрас. У него земля, ему положено таскать тяжёлое.

— Почему не ты?

— Воздух создан для возвышенных задач.

Никрас без улыбки протянул мне флягу.

— Пей. Руфин болтает, когда тревожится.

— Я никогда не тревожусь.

В этот момент над лесом раздался протяжный рог. Руфин мгновенно пригнулся и развёл руки. Порыв ветра прошёл по тропе, унося наши запахи в сторону обрыва.

— Дозор, — сказал он уже без улыбки.

Нарина указала на узкую расщелину между камнями. Мы укрылись там, едва успев убрать плащи. Через несколько минут на тропе появились три всадника в серых доспехах. Лошади шли медленно, приносясь к воздуху, а над седлом первого кружилось существо, похожее на прозрачную стрекозу размером с сокола.

Сильвер высунул голову из рюкзака.

— Ищейка ветра, — прошептал он. — Неприятные создания. Слышат ложь и пахнут болотом.

— Ты их знаешь?

— Я много кого знаю. Просто редко считаю нужным делиться.

Стрекоза остановилась напротив расщелины. Её крылья зазвенели. Руфин побледнел: порыв, которым он отвёл запах, истончился.

Я достала пластинку вампира. Серебряная насечка нагрелась. Не зная, что именно делаю, я прижала её к медальону. Звон изменился. Ищейка резко повернула к обрыву и устремилась туда, куда Руфин направил наш след.

Всадники последовали за ней.

Несколько минут никто не двигался.

— Ты знала, что получится? — спросила Нарина.

— Нет.

— И всё равно попробовала?

— У нас заканчивалось время.

Руфин осторожно забрал пластинку, рассмотрел серебряные линии и вернул.

— Это не просто знак отряда. Насечка подтверждает волю того, кто отдал приказ. Поддельная печать выглядит так же, но магия на неё не откликается.

— Значит, вампир говорил правду.

— По крайней мере, Арагон действительно приказал защищать тебя, — сказал Джеймс. — Вопрос — от кого.

После ухода дозора темп стал медленнее. Никрас настоял, чтобы мы двигались вдоль ручья: вода скрывала следы,

а её шум мешал поисковым существам. Вскоре деревья расступились, и впереди показалась старая арка, сложенная из белого камня. На вершине был высечен человек с крыльями, протягивающий руку женщине в простой смертной одежде.

— Страж и смертная, — пояснил Никрас. — Один из первых союзов.

— От них появились странники?

— От таких, как они. Стражи — слуги высших сил: ангелы, архангелы, демоны и другие роды. Они выполняют приказы Долины и Пустоши. Когда часть стражей связала жизнь со смертными, родились мы. Магии у нас меньше, зато мы можем дольше находиться в человеческом мире.

— И служите стражам?

— Выполняем поручения, — поправила Нарина. — Иногда защищаем людей. Иногда исправляем то, что натворили сами стражи. У странников есть собственные подчинённые народы: мавки следят за лесными границами, суккубы работают с человеческими желаниями, некоторые вампирские роды служат короне.

— А оборотни?

— Когда-то тоже служили. Теперь большая часть следует за Арионом.

— Вы говорите о нём так, будто он жив.

Нарина и Никрас переглянулись.

— Официально Арион побеждён, — сказал Джеймс. — Но договор с оборотнями заключают не из страха перед

мертвецом.

Вместо длинной истории этих слов оказалось достаточно. Кто-то могущественный исчез, корона объявила победу, однако война продолжалась. И мои родители оказались внутри неё.

За аркой начиналась мощёная дорога. Мы больше не могли идти открыто. Руфин достал из свёртка пять серо-синих плащей, а Нарина заплела волосы и спрятала их под капюшон. Никрас нанёс каждому на запястье знак из глины.

— Он меняет не лицо, а то, как вас запоминают, — объяснил он. — Стражник увидит обычного путника. Через час не сможет описать одежду и цвет глаз.

— Какова цена?

Никрас одобрительно кивнул, будто ждал вопроса.

— Пока знак действует, я сам забываю что-то недавнее. Поэтому не разговаривайте со мной о важных вещах до входа в город.

— А если не вспомнишь потом?

— Земля вернёт память, когда я смою глину.

Мы двинулись по дороге. Впереди уже поднимались повозки торговцев. Люди — или странники — везли ткани, фрукты, клетки с разноцветными птицами и стеклянные сосуды, внутри которых плавали маленькие облака. Над одной телегой спорили две мавки с зелёными волосами. Сначала я не придавала им значения, но одна из них заметила знак на моей пластинке.

Мавка подалась вперёд и прошептала:

— Настоящее серебро. Не показывай его у восточных ворот. Там сегодня стоят люди Литаса.

— Почему вы помогаете?

— Арагон однажды спас наш лес от огня.

Она отвернулась, словно разговор окончен. Так впервые стало ясно, что Арагон защищал многих и его приказ ещё не доказывал личной связи со мной.

Мы свернули к западной дороге. По пути Руфин вполголо-са рассказывал, почему каждый из них скрывается. Он превращал долги и приказы Академии в шутку, но всякий раз смотрел на наши лица, прежде чем улыбнуться сам. Он и Никрас учились за счёт школы, представляя её на состязаниях. После провала им выставили долг, который невозможно выплатить за одну жизнь. Нарину собирались выдать замуж ради союза семей, и она сбежала в день свадьбы. О себе Руфин говорил громче всех, но не сообщил ни одной вещи, которую нельзя было бы превратить в забавную историю.

— А Джеймс? — спросила я.

Руфин покосился вперёд. Джеймс шёл рядом с Нариной и делал вид, что не слышит.

— Принцесса Мелиса решила, что он должен стать её мужем. Король поддержал союз. Джеймс отказался.

— Из-за чего?

— Он думал, что знает Мелису с детства. Называл её Ренатой. Потом встретил принцессу и решил, что добрая де-

вочка превратилась в избалованную наследницу.

Джеймс резко остановился.

— Хватит.

— Она всё равно узнает.

— Но не от тебя.

Руфин поднял руки, признавая поражение. Я посмотрела на Джеймса.

— Вы были близки с Ренатой?

— Мы были детьми.

— Это всё, что я готов сейчас сказать.

Он пошёл дальше, не рассердившись, но и не оставив места для следующего вопроса.

Он пошёл дальше. Однако огонь на ближайшей сигнальной чаше вспыхнул выше, когда я поравнялась с ним.

К полудню дорога стала круче. Гора Ведьм поднималась впереди широкими зелёными уступами. На вершине стоял город, окружённый светлой стеной. Дома теснились вдоль склонов, крыши переливались медью и синей черепицей, а над всем возвышался храм с прозрачным куполом. В солнечных лучах он выглядел не мрачно, а торжественно, словно город был построен вокруг пойманного куса неба.

Перед воротами тянулась очередь. Стражники проверяли документы, а рядом с ними висело круглое зеркало. Каждый путник видел в нём не своё лицо, а знак рода. Когда подошла наша очередь, Никрас незаметно сжал кулак. Глиняные метки на запястьях потеплели.

Первым прошёл Руфин. В зеркале мелькнуло воздушное перо. Затем Нарина — капля воды, Никрас — каменный лист. У Джеймса появилось пламя в форме короны. Стражник поднял голову.

— Имя?

— Ян Эстэр, торговый писарь.

Знак на руке Никраса дрогнул, и взгляд стражника стал рассеянным.

— Проходи.

Настала моя очередь. Я встала перед зеркалом, ожидая увидеть пустоту смертного рода или хотя бы медальон. Поверхность потемнела. Сначала проступило серебряное крыло, затем второе. Между ними возникло чёрное пламя, а над ним — тонкий знак, похожий на корону.

Стражник отшатнулся.

— Назовите полное имя.

— Ася Венгерских.

Зеркало не изменилось.

— Полное.

За спиной послышался металлический звон: второй стражник снял копьё с крепления. Я почувствовала, как медальон становится горячим. Можно было попытаться бежать, но ворота уже закрывались.

— Асирия Венгерских, — произнесла я.

По зеркалу прошла трещина.

В тот же миг над воротами ударил колокол. Толпа загуде-

ла, стражники повернули головы к башне. Руфин создал порыв ветра, Нарина выплеснула воду из бочки под ноги охране, а Никрас дёрнул меня за рукав.

— Сейчас!

Мы проскользнули под опускающейся решёткой. Джеймс оказался последним. Огонь сорвался с его ладони и расплавил цепь механизма ровно настолько, чтобы решётка застряла, не раздавив людей в проходе.

В городе нас поглотила яркая рыночная площадь. Повсюду развевались ленты, торговцы кричали, над прилавками плавали светящиеся вывески. Мы свернули в переулок, затем ещё в один. Только у старого фонтана Никрас стёр глину с запястий и несколько раз глубоко вдохнул.

— Все здесь?

— Все, — ответила Нарина. — Ты что-нибудь забыл?

— Кажется, обещал Руфину ударить его после следующей глупости.

— Память вернулась, — заключил Джеймс.

Я прислонилась к стене. Сердце всё ещё билось слишком быстро.

— Что показало зеркало?

Никто не ответил.

— Вы видели.

— Старый знак закрытого военного отряда Арагона, — наконец сказал Джеймс. — Его значение давно скрывают даже при дворе.

— Я Венгерских.

— В смертном мире.

Его слова прозвучали почти так же, как предупреждение вампира: мне не сказали правду.

Нарина взяла меня за руку.

— Сначала найдём Ванессу. Она живёт за храмом, в доме с белыми ставнями.

Мы подняли капюшоны и смешались с толпой. Над площадью кружили бумажные птицы, дети ловили их смеясь, а на ступенях храма музыканты играли быструю мелодию. Город сиял, и от этого опасность казалась ещё менее настоящей.

Дорогу к храму перекрывала праздничная процессия. Четверо актёров в крылатых масках несли золотую клетку, внутри которой стояла девушка в белом платье и короне. За ней двигалась высокая фигура в зеркальном плаще. Вместо лица у неё была гладкая серебряная пластина.

— Что они показывают? — спросила я.

— День Победы, — ответила Нарина. — Официальную версию последней битвы.

Актриса вышла из клетки, подняла меч и коснулась им зеркального противника. Тот рассыпался облаком чёрных лент. Толпа заплодировала, а дети бросили под ноги победительнице белые цветы.

— Принцесса Мелиса победила Ариона, — продолжила Нарина. — После этого она потеряла память, поэтому никто

не может расспросить её о сражении.

— Ты не веришь?

— Я верю, что дворец ежегодно платит актёрам за одну и ту же историю. Это не одно и то же.

Джеймс смотрел на девушку в короне без восхищения. Когда актриса поклонилась, он отвернулся.

— Если Арион побеждён, почему оборотни продолжают получать приказы? — спросила я.

— Именно, — тихо сказал Никрас.

На краю площади старый торговец продавал тонкие книжки с изображением той же сцены. Увидев нас, он поднял одну и заученно произнёс:

— «Мелиса и последний бог». Полная правдивая история, одобренная дворцовой палатой! Для детей — картинки, для взрослых — список имён погибших.

Сильвер выглянул из рюкзака и фыркнул:

— Если история одобрена палатой, правды там осталось страницы на две.

Старик слышал только птичий клёкот, но всё равно посмотрел прямо на рюкзак.

— Говорящих птиц лучше не носить к храму, — негромко предупредил он. — Жрецы собирают редких существ для королевского зверинца.

— Как пройти к дому с белыми ставнями? — спросила Нарина.

Торговец указал на переулок за лавкой.

— Через двор старой Академии. Главные улицы перекрыты. Только сегодня у белых ставен уже побывали люди с чужой печатью.

Я показала ему пластинку, прикрыв герб пальцами.

— На их приказе была серебряная насечка?

— Нет. Воск чёрный, знак ровный, магии никакой. — Старик внимательно посмотрел на меня. — Если умеешь различать печати, проживёшь в этом городе дольше многих.

Мы поблагодарили его и свернули во двор Академии. За высокой оградой тренировались ученики: одни поднимали воду из каменных чаш, другие заставляли лозы обвиваться вокруг мишеней. Наставник ходил между ними и после каждого заклятия проверял пульс.

— Здесь учили и вас? — спросила я.

— До исключения, — ответил Руфин. — Нас учили управлять стихией, но главное правило было одно: сила, которой не назначена цена, берёт плату сама.

У дальней стены ученик попытался удержать воздушный щит дольше положенного. Его колени подогнулись. Наставник мгновенно развеял заклятие и заставил мальчика сесть.

— А если цена слишком высокая?

— Тогда заклинание запрещают, — сказала Нарина. — Воздействие на память, подчинение воли, возвращение умерших. Всё это возможно. Именно поэтому опасно.

Я вспомнила кошмары и имя Ренаты, вызывавшее боль без воспоминания.

— Память тоже можно стереть?

Джеймс остановился.

— Можно. Но стёртое не всегда исчезает. Иногда оно ищет способ вернуться.

Мы вышли из академического двора к узкой улице, ведущей за храм. В конце её действительно виднелся двухэтажный дом с белыми ставнями. Одна створка была распахнута, на подоконнике лежали свежие осколки стекла.

На противоположной стороне площади человек в плаще приложил к груди свиток с тёмной печатью. Увидев меня, он исчез в арке. Лица я не рассмотрела — только заметила, что на воске не было серебряной насечки.

Глава 7

Дом белых ставен

Человек с тёмной печатью исчез в арке прежде, чем я успела окликнуть его. Джеймс рванулся следом, но Никрас перехватил его за плечо и указал на дом Ванессы. За распахнутой створкой не было видно ни движения, ни света. По белой краске тянулась тонкая чёрная полоса, словно окно пытались поджечь и огонь почему-то не сумел разгореться.

— Если это ловушка, нас именно туда и зовут, — сказал Никрас.

— А если не ловушка, внутри кому-то нужна помощь, — ответила я.

Джеймс посмотрел на меня, потом на арку, за которой

скрылся незнакомец. Выбор ему не нравился, но он отступил от Никраса.

— Руфин, останься на улице. Нарина — задний двор. Никрас, проверь порог. Мы с Асей войдём.

— Почему именно я?

— Потому что зеркало у ворот отозвалось на тебя, а люди Литаса пришли к Ванессе раньше нас. Если между этими событиями есть связь, лучше не оставлять тебя снаружи.

Он сказал это сухо, будто речь шла только о расчёте, однако встал между мной и дверью. Я не стала спорить. В последние дни рядом со мной слишком часто погибали или исчезали люди, и гордость была плохим поводом пополнить их число.

Никрас присел у калитки и провёл ладонью над камнями. Между его пальцами осыпалась земля, оставляя на коже серый налёт.

— Здесь проходили трое. Один вошёл по своей воле, двое пересекли порог силой. Защитный знак их не принял.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

Он показал на едва заметные борозды вокруг дверного косяка. Раньше я приняла бы их за трещины.

— Дом выталкивает чужую магию. Посмотри на следы: они направлены наружу.

Джеймс толкнул дверь рукоятью ножа. Та распахнулась без скрипа. В передней пахло влажной землёй и горькими травами. Опрокинутый стол лежал у стены, на полу блесте-

ли осколки, но цветочные горшки на подоконниках остались целы. Даже упавшие стебли продолжали тянуться к солнцу.

— Ванесса? — позвал Джеймс.

Из глубины дома донёсся спокойный женский голос:

— Если вы закончили считать мои окна, проходите. Чай остывает.

Мы переглянулись. Голос звучал так, словно ничего не произошло.

За столом в дальней комнате сидела пожилая женщина в фиолетовом платье. Серебряные волосы были собраны на затылке, на плечи спадал синий платок. Перед ней стояли три чашки и глиняный чайник. Четвёртая чашка лежала на полу, расколотая ровно пополам. У стены, обвитый корнями комнатного винограда, неподвижно стоял мужчина в дорожном плаще. Его руки прижались к телу, рот закрывал широкий лист.

— Он? — спросил Джеймс.

— Один из троих. Двое ушли через окно, — ответила Ванесса. — Этот задержался, чтобы забрать мою книгу посетителей. Не люблю невоспитанных гостей.

Мужчина дёрнулся. Корни сжались сильнее.

— У него приказ Арагона, — сказала я. — По крайней мере, он хочет, чтобы все так думали.

Я достала серебряную пластинку вампира и поднесла к свитку, торчавшему из-под плаща пленника. На настоящем приказе тонкая насечка должна была ответить светом. Се-

ребро осталось холодным.

— Подделка, — произнёс Джеймс.

Ванесса посмотрела не на пластинку, а на мой медальон.

— Полезный подарок. Наконец-то Арагон научился оставлять людям способ проверить его слово.

— Вы его знаете?

— Я знала многих, пока они не начали прятаться за титулами.

Она указала на стул напротив себя. Джеймс остался стоять.

— В доме недавно дрались, у стены связан человек, двое нападавших ушли, а вы предлагаете чай.

— Я предлагаю его девушке. Ты можешь продолжать изображать дверной засов.

Я села. В чашке плавали узкие светлые лепестки. От запаха защемило в груди: так пахли травы, которые Кельси сушила под крышей нашего дома. Ванесса проследила за моим взглядом.

— Ты всё ещё связываешь этот аромат с безопасностью.

— Откуда вы знаете?

— Потому что сама положила тот же сбор под твою подушку, когда тебе было пять. Ты три ночи не спала и утверждала, что в окне стоит женщина без лица.

Край чашки стукнул о блюдо. В моей памяти не было ни этой комнаты, ни Ванессы, ни женщины у окна. Но голос гадалки я узнала раньше, чем успела признать себе. Он ино-

гда приходил во сне вместе с шелестом синего платка и словами, смысл которых исчезал после пробуждения.

— Вы та знахарка, которая подарила мне медальон?

— Тогда ты видела лицо знахарки. Сейчас видишь Ванессу. Оба лица мои.

— Кто вы на самом деле?

— Сагра — одно из имён, которое мне оставили. Лица приходится менять чаще. Морок защищает не только меня: иногда помощь можно принять лишь от незнакомца.

Раздражение вспыхнуло быстрее страха.

— Все вокруг знают обо мне больше, чем я сама. Арагон отправляет вампиров и ничего не объясняет. Зеркало показывает чужой герб. Теперь вы говорите о женщине без имени. Если хотите помочь — говорите прямо.

Ванесса не обиделась. Она взяла мою ладонь и перевернула запястьем вверх. Её пальцы были холодными, но медальон под одеждой сразу нагрелся.

— Прямой ответ отнимает выбор. Так устроено предвидение. Если я назову тебе единственную дорогу, остальные исчезнут, даже если одна из них могла бы оказаться лучше. За каждую несостоявшуюся возможность кто-то платит.

— Кто?

— Обычно тот, кто заглянул вперёд.

Она отпустила меня и показала расколотую чашку.

— За важное предвидение я плачу частью силы, удерживающей морок. Поэтому лицо может дрогнуть или выдать

чужую черту. У Ванессы нет отдельной семьи и прошлого: это лицо существует только пока оно нужно.

Слова прозвучали без жалости к себе. От этого они напугали сильнее.

— Родители живы?

— Живы. Но не там, куда тебя пытаются направить. На них лежат два заклатья, наложенные разными руками. Одно скрывает, другое удерживает. Они мешают друг другу, поэтому путь всё время меняется.

— А Север?

Ванесса закрыла глаза. На поверхности чая прошла рябь, хотя в комнате не было ветра.

— Он тоже жив. Западнее города. Заперт в доме, где стены помнят снег. Но не беги туда сейчас.

— Почему?

— Потому что его дорога уже поворачивает к тебе.

Я хотела потребовать большего, однако заметила, как на виске Ванессы выступила кровь. Тонкая красная дорожка дошла до скулы. Она вытерла её платком.

— Каждый вопрос стоит вам памяти?

— Не каждый. Только важный.

— Тогда я больше не буду спрашивать о том, что можно узнать иначе.

В её глазах мелькнуло одобрение.

— Вот почему тебя невозможно прочесть до конца. Ты меняешь решение прежде, чем судьба успевает его записать.

Мужчина у стены снова дёрнулся. Джеймс вытащил из его одежды свиток и развернул на столе. На плотной бумаге была начерчена карта западной дороги. Красная линия вела к крепости, отмеченной знаком волчьей головы. Внизу стояла печать Арагона — без серебряной насечки.

— Здесь сказано, что пленников держат в замке Литаса, — прочёл Джеймс. — И что Ася должна войти первой, иначе защита убьёт остальных.

— Слишком удобная инструкция, — сказала я.

— Именно поэтому она сработала бы, — ответила Ванесса. — Правда о пленниках смешана с ложью о твоих родителях. Литас рассчитывает, что ты не станешь проверять.

Она поднялась и подошла ко мне. Медальон словно потянулся ей навстречу.

— Эту вещь называют Подарком Смерти. Не потому, что она убивает. Она открывает то, что должно оставаться закрытым: границы, память, иногда дорогу назад. Но каждый дар имеет предел. Не проси у него дважды того, что человеку даётся один раз.

— Жизнь?

Ванесса приложила палец к губам.

— Сегодня тебе достаточно знать, что это ключ, а не украшение.

За дверью послышался короткий свист. Джеймс мгновенно оказался у окна. На улице никого не было, только на камне лежала синяя лента — условный знак Нарины.

— Нас заметили, — сказал он. — Нужно уходить.

— Сначала спросите своего пленника, куда отправились его товарищи, — посоветовала Ванесса. — Потом ищите не меня, а память, которая научилась ходить.

— Что это значит?

— Это вопрос, за который я не стану платить.

Она щёлкнула пальцами. Лист на лице пленника отогнулся.

Мужчина судорожно вдохнул. Джеймс положил перед ним настоящую пластинку и поддельный свиток.

— Кто дал приказ?

— Арагон де Ларбо.

— Неправильный ответ.

Огонь возник над ладонью Джеймса, маленький и почти бесцветный. Воздух вокруг сразу остыл. Он не приближал пламя к пленнику, но тот смотрел на него, не отрываясь.

— Литас, — выговорил мужчина. — Приказ пришёл через капитана Вейрона. Нам велели забрать книгу и оставить карту. Девушку не трогать, пока она не войдёт в крепость.

— Куда ушли двое?

— К «Сонному Питу». Там ждёт связной.

Снаружи дважды крикнул Сильвер. Это означало, что на улице появились стражники.

Ванесса вернула лист на лицо пленника.

— Я передам его городской страже, когда там появится человек, которому ещё можно доверять. Вам пора.

— Они вернутся, — сказал Джеймс.

— Конечно. Но в следующий раз я заварю чай покрепче.

Мы вышли через заднюю дверь. Нарина ждала за колодезем, Никрас — у стены. Руфина нигде не было.

— Он пошёл за человеком из арки, — быстро сказала Нарина. — Велел не поднимать шум и обещал вернуться через пять минут.

— Когда? — спросил Джеймс.

— Четверть часа назад.

Никрас выругался сквозь зубы. Я показала свиток.

— Связой Литаса в «Сонном Пите». Скорее всего, Руфин пошёл туда.

Мы покинули двор по узкому проходу между садами. Город всё ещё праздновал победу над Арионом. Музыка на площади стала громче, в небо взлетали бумажные птицы, дети размахивали белыми цветами. На фоне этого веселья люди с тёмными печатями могли двигаться почти незаметно.

У «Сонного Пита» толпились зеваки. Двое слуг смывали с крыльца кровь, хозяин ругался с городским стражником. Никрас вернулся после короткого разговора мрачнее обычного.

— Руфин вошёл следом за мужчиной в сером. Через несколько минут затеял драку с местным землевладельцем. Его люди увезли Руфина в поместье за северной стеной.

— Он не стал бы напиваться посреди дела, — сказала Нарина.

— Он выпил ровно столько, чтобы его приняли за пьяного, — ответил Никрас. — И ударил человека, который передавал связному свиток.

— Значит, позволил себя увезти, — понял Джеймс.

— Позволил, — согласилась Нарина. — А теперь ждёт, что мы догадаемся.

На воротах поместья висел герб с тремя золотыми рыбами. Я уже видела его на перстне Роберта, мужчины из таверны. Тогда он показался мне праздным богачом, привыкшим получать желаемое улыбкой. Теперь его дом оказался частью дороги Литаса.

— Я войду через главные ворота, — сказала я.

— Нет, — одновременно произнесли Джеймс и Нарина.

— Роберт меня знает. Если я отвлеку его, вы сможете пройти к служебному двору.

— После зеркала половина городской стражи ищет девушку твоего возраста, — возразил Джеймс.

— Они ищут Асирию Венгерских в дорожном плаще. В дом землевладельца войдёт Ася Венгерских в чужом платье.

На мгновение мир качнулся. Перед глазами возникли мощёная улица, чужая детская ладонь и мальчик с упрямо сжатыми губами. Это увидела только я. Джеймс заметил, что я замолчала, но не мог знать, какая картина промелькнула внутри.

— Что ты сказала?

— Мне показалось, что я увидела обрывок чужого дет-

ства, — сказала я. — Возможно, той девочки, которую ты называл Ренатой. Но это не моё воспоминание.

Он смотрел так, будто я вернула ему вещь, которую он давно считал потерянной.

— Роберт не должен его услышать, — наконец сказал Джеймс. — Никто не должен.

— Тогда я назову своё настоящее имя. Никаких новых личин.

Нарина нашла в лавке напрокат платье цвета утреннего неба и короткий плащ с вышитым воротом. Я не любила наряды, в которых невозможно бежать, поэтому отказалась от узких туфель и спрятала под подолом нож. Вместо сложной причёски собрала волосы лентой. Когда я вышла из-за ширмы, Руфинова затея перестала казаться смешной: одежда слишком хорошо подходила девушке, которой я могла бы стать, если бы выросла в этом городе.

Джеймс молча поправил застёжку плаща у моего плеча.

— Я принял твою заминку за ответ о Ренате, — сказал Джеймс. — Не должен был.

— А я слева.

— Я вижу.

В его голосе было облегчение, смешанное с разочарованием. Он хотел узнать во мне прошлое и одновременно боялся ошибиться.

Роберт принял меня во дворе. Узнав, широко улыбнулся, но взгляд задержался на разбитом крае моей перчатки, под

которой скрывалась серебряная пластинка.

— Госпожа Асирия. Не ожидал новой встречи так скоро.

— Я тоже. Мне сказали, ваши люди увезли из трактира моего родственника. Он бывает несносен, но не заслуживает расправы.

Улыбка Роберта исчезла.

— Моего управляющего ударили при свидетелях. Однако вашего родственника привезли сюда не мои люди. Капитан Вейрон воспользовался моим гербом.

— Почему вы позволили?

— Потому что у капитана городской стражи больше мечей, чем у меня здравых решений.

Он повёл меня в сад, подальше от слуг.

— Вейрон арендует старую винную кладовую. Сегодня туда принесли человека и сундук. Я собирался выяснить, что происходит.

— В сундуке могут быть приказы Литаса.

Роберт вздрогнул едва заметно.

— Это имя здесь лучше не произносить.

— Тогда помогите нам, и его люди уйдут из вашего дома.

Он изучал моё лицо дольше, чем позволяла вежливость.

— В таверне вы казались испуганной девушкой, которая случайно забрела не в тот мир.

— Я и была ею.

— А сейчас?

— Сейчас у меня нет времени бояться по очереди.

Роберт рассмеялся, но без прежней лёгкости, и передал мне ключ.

— Дверь в кладовую за оранжереей. Вейрон оставил двоих. Если всё закончится плохо, я никогда вас не видел.

— Если всё закончится хорошо, тоже.

— И ещё одно. — Он вынул из кармана сложенный лист. — Вейрон потребовал, чтобы я подписал разрешение на перевозку «заражённых зверем». В списке нет зверей, только люди из приграничья. Я отказался, поэтому он поставил мою печать сам.

На листе стояло двенадцать имён. Рядом с четырьмя уже была сделана пометка «доставлен». Я спрятала бумагу под плащ.

— Вы могли отдать это городской страже.

— Вейрон и есть городская стража. Поэтому сегодня я доверяю девушке, которая носит нож под праздничным платьем.

Я машинально коснулась складки, скрывавшей оружие.

— Видно?

— Только человеку, который сам привык приходить на приёмы вооружённым.

Пока мы говорили, Нарина проникла во двор через канал для полива, Никрас размягчил камень под стеной, а Джеймс прошёл по крыше оранжереи. Я увидела лишь короткую вспышку за стеклом. Через несколько минут из служебного прохода вышел Руфин. На скуле темнел синяк, ру-

ки были связаны собственной поясной верёвкой, но под рубахой он прятал свёрток.

— Я знал, что вы поймёте, — заявил он.

Нарина ударила его кулаком в плечо.

— В следующий раз оставь записку.

— Тогда люди Литаса тоже её прочитают.

— Оставь умную записку.

Джеймс развернул добытый свёрток. Внутри лежали списки пленных, донесения с западной границы и ещё одна карта крепости. Рядом с именем Севера стояла пометка: «северный наследник; доставлен вместо пятого ключа; не убивать». Имена моих родителей в списке отсутствовали.

Я провела пальцем по строке. Север был жив. Ванесса сказала правду. Но слово «наследник» вызывало новый вопрос, а рядом с ним уже стояло слишком много старых.

— Уходим, — сказал Джеймс. — Вейрон скоро поймёт, что его люди не отвечают.

Роберт проводил нас до боковой калитки. На прощание он задержал меня.

— Вейрон служит не только Литасу. Он собирает сведения о девушке, которую называют то Асей, то Асирией, то Ренатой. Будьте осторожны с именами.

— Откуда вы знаете последнее?

— Не знаю, — честно ответил он. — Я увидел его во сне прошлой ночью.

Мы покинули город через старый водосброс и устроили

лагерь в лесу ниже западной дороги. Когда огни Горы Ведьм скрылись за деревьями, я достала поддельный приказ и бросила его в костёр. Обычная бумага почернела, но печать не расплавилась. Воск свернулся маленьким тёмным глазом.

Список Роберта мы положили рядом с документами Руфина. Теперь у нас были не только собственные цели: двенадцать людей могли исчезнуть до рассвета. Никрас отметил их деревни на карте, а Нарина предложила передать сведения мавкам, которые знали лесные тропы лучше городской стражи. Я впервые увидела, как случайная встреча превращается в обязанность, от которой уже нельзя отвернуться.

Из-за деревьев донёсся детский смех.

На краю света стояла девочка лет шести. Тот самый ребёнок, которого я видела у дома Ванессы и в ночь на мосту. Остальные продолжали спорить над списками и не замечали её.

Девочка приложила палец к губам, а потом беззвучно произнесла: «Наконец ты пришла».

Глава 8

Украденные годы

Я моргнула, надеясь, что девочка исчезнет, но она осталась у края кострового света. На ней была старомодная рубашка с вышитыми серебряными птицами. Свет проходил сквозь тонкие руки; мох под босыми ногами оставался нетронутым.

— Кто ты? — спросила я.

Руфин прервал спор над списками.

— Я Руфин де Франц. Мы знакомы почти два дня, но приятно, что ты наконец заинтересовалась.

— Я не с тобой.

Нарина оглянулась. Между деревьями для неё никого не было. Джеймс сразу поднялся и потянулся к ножу.

— Что ты видишь?

Девочка улыбнулась мне и отступила в темноту.

— Девочку. Я уже встречала её у Ванессы. И на мосту, когда оборотни заставили меня идти к реке.

Сильвер вытянул шею и прислушался.

— Не вижу и не чувствую ничего, — признал Сильвер. — Для убедительного призрака это почти оскорбительно.

— Пойдём, — беззвучно сказала девочка.

Я шагнула за ней. Джеймс преградил дорогу.

— Одна ты никуда не пойдёшь.

— Если она хотела убить меня, могла не вытаскивать из реки.

— Возможно, она спасла тебя, чтобы использовать позже.

— Тогда мне пора узнать для чего.

Никрас сложил списки и встал.

— Мы пойдём следом на расстоянии. Если это наваждение, не вмешаемся, пока не поймём его правило.

Девочка ждала среди деревьев. Когда я приблизилась, она нахмурилась, заметив остальных.

— Я позвала тебя.

— Они меня не слышат и не видят. Почему тебе мешает их присутствие?

— Потому что люди верят не глазам, а страху. Если ты начнёшь повторять мои слова, они решат, что я управляю тобой.

— А ты не управляешь?

— Пока нет.

В её голосе прозвучала насмешка, но не взрослая — детская, упрямая. Мы дошли до небольшой поляны, где из земли выступали корни старого дуба. В их переплетении лежал плоский камень, исписанный знаками. Девочка села на него и указала на место рядом.

— Садись. Разговор будет долгим.

Я осталась стоять.

— Сначала имя.

— Меня можно звать Элькар. Это не настоящее имя.

— Это имя или название существа?

— Элькаром называют память, которая отделилась от человека и не нашла дороги обратно. Обычно она живёт недолго. Но во мне осталось слишком много, поэтому я научилась ходить и говорить.

— А ты?

Девочка провела ладонью над вышитыми птицами, но ткань не шелохнулась.

— Я появилась в тот день, когда у шестилетней Ренаты

отняли память. Поэтому мне всегда шесть.

Холод прошёл по спине. Ванесса велела искать память, которая научилась ходить. Я вспомнила, как имя Ренаты отозвалось болью, как зеркало у ворот показало незнакомый знак двух крыльев, как вампиры повторяли, что Арагон приказал любой ценой сохранить мне жизнь.

— Чьи это годы?

— Ренаты.

— Я хочу услышать.

— Я — то, что у неё забрали.

Джеймс стоял в нескольких шагах и видел только меня. По лицу Джеймса было ясно лишь то, что он ждёт моего объяснения. Видеть или угадывать содержание разговора он не мог.

— Она говорит, что является памятью, которую спрятали во мне, — пересказала я остальным.

Нарина тихо выругалась. Никрас присел и коснулся земли, проверяя след смерти. Пыль прошла сквозь место, где сидела Элькар, и легла ровным слоем: магия Никраса ничего не обнаружила.

— Здесь нет даже следа духа, — сказал он.

— Потому что я не дух, — ответила Элькар, слышима только мне. — Я воплотившаяся память Ренаты.

— Поэтому ты выглядишь ребёнком?

— Да. Всё, что я помню, случилось до того дня, когда Ренате исполнилось шесть. Старше в этих воспоминаниях она

не стала.

Её лицо дрогнуло, словно отражение на воде. На мгновение проступили тёмные волосы, серебряная лента и испуганные глаза шестилетней девочки. Затем черты снова затуманились, скрывая сходство, которое я ещё не умела распознать.

Джеймс сделал шаг вперёд.

— Спроси, как тебя тогда звали.

Мне не нужно было спрашивать. Ответ уже бился в висках.

— Рената.

Он отвернулся. Огонь в его ладони вспыхнул и сразу погас. Даже отсюда я почувствовала, как вокруг него остыл воздух.

— Значит, Рената — детское поддельное имя наследницы, — сказала я. — Наследницей все называют Мелису. Значит, это её стёртые годы, а не мои.

Элькар промолчала. В её лице было знание, которое она пока не умела или не могла отдать.

— Что это значит?

— Я стала отдельной, когда память вырвали из Ренаты, — ответила Элькар. — Кто выбрал тебя хранилищем, я не видела. Этот кусок от меня закрыли.

В памяти мелькнула Джулия, заплетающая мне волосы; Алистан, учивший держать нож; Эмма, заснувшая у меня на плече. Ни одно новое имя не могло сделать их чужими.

Страх, что вся моя жизнь окажется подделкой, отступил.

— Где они?

— Я знаю только то, что Рената успела прожить до шести лет. После того как память запечатали в тебе, я не видела твою жизнь и не могла говорить. Я не знаю, почему выбрали именно тебя.

— Почему ты смог заговорить только теперь?

— Медальон открыл первую дверь. Ансара — вторую. Зеркало у городских ворот — третью. Но видимой я стала лишь после того, как ты сама произнесла имя Ренаты.

Я сжала медальон через ткань.

— Ты спас меня на мосту?

— Я напомнила тебе, что вода не враг. Остальное сделала Ансара.

— Ты можешь вернуть Мелисе память Ренаты?

Элькар перестала улыбаться.

— Только если Мелиса и правда Рената. Если ошибиться, память причинит боль вам обоим. Сначала нужно узнать хозяйку.

— Значит, сначала нужно убедиться, что Мелиса и Рената — один человек?

— Да. А потом спросить, хочет ли она помнить. Память нельзя отдать человеку как потерянную вещь.

— А что будет с тобой?

Она посмотрела на собственные прозрачные пальцы.

— Когда память вернётся Ренате, меня не станет. Я не от-

дельная душа, Ася. Я её первые шесть лет, которым придали голос.

Мне следовало испытать облегчение: передо мной была не девочка, обречённая умереть ради меня. Но Элькар хмурилась, шутила, обижалась и выбирала слова. Отделённая память стала похожа на живого ребёнка.

— Ты боишься?

— Боялась Рената. Теперь боюсь я.

— Тогда мы не будем торопиться. Вернём память лишь после того, как найдём её хозяйку и обе будем готовы к последствиям.

Элькар подняла глаза. В них не появилось взрослого знания — только слишком знакомая детская настороженность.

— Те, кто забрал меня, тоже говорили, что лучше знают, как правильно.

Слова совпали с решением, которого я боялась: мне предстояло найти Мелису и вернуть ей возможность стать Ренатой. Тогда Джеймс тоже получит назад девочку, которую искал. От этой мысли стало пусто, но чужую память нельзя было удерживать только потому, что расставаться с ней больно.

— Что нужно сделать?

— Я не знаю их названий. Когда ты спрашиваешь, я вижу воду, камень, перо и огонь. Мама говорила, что вместе они удерживают память, пока она ищет дорогу домой.

Я услышала за спиной резкий вдох Никраса.

— Повтори, — попросил он.

Я повторила слова Элькара. Джеймс подошёл ближе.

— Части Амулета стихий ищут сотни лет. Откуда это знает создание, запертое в твоей памяти?

Элькар коснулась медальона. Ответом стала новая вспышка, видимая только мне:

Четыре знака окружили детскую ладонь: волна, каменная печать, перо и огненный клинок.

— Для чего?

Элькар смотрела на медальон так, словно узнавала старую вещь, но не могла вспомнить объяснение.

— Артемида разбила амулет, — сказала она. — Я видела это, но не помню зачем.

Под её пальцами на камне проступили четыре изображения: волна внутри стеклянного круга, клинок с огненной жилой, каменная печать и тонкое перо, рассечённое молнией.

— Вода — пройти через границу. Земля — удержать. Воздух — назвать утраченное. Огонь — отличить правду от приказа, — медленно прочитала я смысл знаков. Элькар только кивнула.

— Значит, артефактам нужен не пятый предмет, а осознанное согласие?

— Не знаю, — призналась Элькар. — Но Артемида говорила: память нельзя заставлять. Она возвращается только туда, где её готовы принять.

— Значит, их ищет Арион.

— Арион ищет способ создать мир без противоречий, —

сказал Джеймс. — Для него это означает мир, в котором никто не сможет выбрать иначе, чем он решил.

Мне вспомнились чёрные глаза оборотней на мосту и чужая воля, заставлявшая идти к воде. Если это было подобием порядка Ариона, я понимала, почему даже тёмные Стражи могли восстать против него.

— А Литасу что нужно?

— Место рядом с победителем, — холодно сказала Нарина. — Такие люди редко любят власть как обязанность. Им нравится видеть, как остальные склоняются ниже.

— Ты помнишь его?

Лицо Элькар дрогнуло, но она осталась той же шестилетней девочкой.

— Помню запах его зеркал. И женщину, которая плакала в комнате без дверей. Больше ничего не открывается.

Я не стала требовать. Впервые отказ от ответа был моим решением, а не чужим запретом.

В лесу хрустнула ветка. Сильвер расправил крылья, Нарина подняла воду из фляги тонкой лентой. Элькар вскочила.

— Они нашли лагерь.

— Кто?

— Люди с пустыми местами вместо памяти.

Из темноты вышел волк величиной с телёнка. Серебристая шерсть сияла в лунном свете, глаза горели красным. За ним появились ещё две тени. Они двигались бесшумно и не оставляли следов на влажной земле.

— Ищейки, — сказал Руфин. — Только не городские.

Первая подняла морду и вдохнула воздух. Её взгляд остановился на мне. Джеймс заслонил меня, но зверь не бросился. Он обошёл его и медленно приблизился. От пасти пахнуло снегом.

Я попятилась до дуба. Медальон нагрелся, однако не обжигал. Ищейка коснулась носом моей ладони. Шершавый язык скользнул по коже. Красный свет в глазах погас, зверь прижал уши и отступил.

— Она узнала амулет, — прошептала Элькар. — Я видела таких зверей у дворца. Им запрещали трогать девочку с этим знаком.

Вторая ищейка прыгнула не на меня, а на Джеймса. Он выбросил руку. Пламя ударило зверя в грудь и рассыпалось золотыми искрами. Ищейка отлетела, но сразу поднялась. Губы Джеймса посинели: огонь забрал у него слишком много тепла.

Нарина обвила зверя водой. Тот рванулся, и вода стала белой от инея. Никрас ударил ладонью по земле; корни поднялись и сомкнулись на лапах третьей ищейки. Руфин создал воздушную петлю, прижав её морду к земле.

— Не убивайте! — крикнула я. — Они подчинены.

— Тогда найди того, кто подчинил, — отозвалась Нарина, удерживая воду обеими руками.

За деревьями стоял человек в сером плаще. На его шее висело зеркало размером с монету. В нём отражался не лес, а

чёрный зал. Он прошептал приказ, и ищейки одновременно задёргались.

Я вспомнила урок в Академии: подчинение воли возможно, именно поэтому запрещено. Цена должна была быть огромной. Но платил, вероятно, не колдун.

— Зеркало заставляет их забывать, — сказала Элькар. — Разбей его.

До человека было слишком далеко для ножа. Сильвер уже взлетел, но связной поднял руку, и вокруг него возник щит.

— Руфин! — крикнула я. — Можешь изменить полёт?

— Если недалеко.

Я метнула серебряную пластинку. Руфин подхватил её порывом ветра. Пластинка обогнула дерево, ударила в край зеркала и расколола его. Щит исчез. Человек схватился за горло, словно вместе с зеркалом потерял воздух.

Ищейки замерли. Потом одна за другой легли на землю. Серебристый зверь, лизнувший мою руку, заскулил и посмотрел в сторону запада.

Связной бросился бежать. Джеймс попытался преследовать, но пошатнулся. Я успела поддержать его.

— Отпусти, — сказал он.

— Вы едва стоите.

— Потому что потратил тепло, а не достоинство.

— Тогда достоинство может само дойти до костра.

Несмотря на бледность, он усмехнулся. Я обхватила его рукой за пояс и помогла вернуться. Рядом с костром Нарина

укутала его двумя одеялами, Никрас положил в ладонь нагретый камень.

— Ты сказала «вы», — тихо заметил Джеймс.

— Что?

— Рената обращалась ко мне на «ты», — сказал Джеймс и тут же остановился. — Прости. Это не имеет отношения к тебе.

— Я знаю. И не хочу, чтобы ты отвечал за человека, которого помнишь.

— Уже понял.

Слова прозвучали резче, чем Джеймс хотел. Я отпустила его и отошла. Элькар наблюдала за нами с любопытством.

— Он злится не на тебя, — сказала Элькар. — Джеймс так сердится, когда не может исправить свою ошибку.

— Не вмешивайся.

— Я и есть вмешательство.

У разбитого зеркала Никрас нашёл знак капитана Вейрона и полоску бумаги. На ней было написано: «Если девушка откажется идти к крепости, привести северного пленника». Литас знал, что Север у него, и собирался использовать его против меня.

— Мы должны выйти к крепости раньше связного, — сказала я.

— Нет, — ответил Джеймс. — Именно этого от нас хотят.

— Север там.

— И приказ требует привести его, значит, пока он нужен

живым. Мы проверим сведения Ванессы и найдём безопасный путь.

— Пока мы проверяем, с ним может случиться что угодно.

— А если ворвёмся по карте Литаса, он получит и тебя, и Севера.

Я ненавидела его правоту. Ещё сильнее — собственное бессилие.

Элькар остановилась рядом с серебряной ищейкой. Зверь смотрел только на мою протянутую руку и никак не отреагировал на девочку: ни запаха, ни холода, ни следа для него не существовало.

— Она хочет найти мальчика, — сказала Элькар. — Она помнит его запах.

Я опустилась рядом с ищейкой. На ошейнике под шерстью обнаружился знак снежной короны, почти стёртый ножом.

— В списке Севера назвали северным наследником. Ванесса сказала, что его дорога поворачивает к нам.

Никрас осмотрел знак.

— Старый герб Северных земель. Он исчез после падения тамошнего дома.

— Север вырос в нашей деревне.

— Это не значит, что родился там, — заметила Нарина.

Мы перенесли лагерь в ложбину, защищённую камнями. Ищейки не ушли. Освободившись от зеркала, они легли по краю стоянки и повернули морды на запад. Руфин предложил выставить дозор, но Джеймс запретил ему дежурить по-

сле самовольной вылазки. В наказание тот должен был до рассвета переписать все сведения из похищенных документов, не используя магию.

— Жестоко, — оценил Сильвер. — Лучше бы высекли.

— Ты можешь помочь ему, — сказала я.

— Я птица. У меня нет рук.

— Зато есть клюв.

Сильвер немедленно притворился спящим.

Когда остальные улеглись, я отошла к ручью. Элькар появилась в отражении раньше, чем рядом со мной. Она по-прежнему выглядела шестилетней: босой, слишком серьезной и странно знакомой.

— Покажи мне одно воспоминание, — попросила я. — Самое маленькое. Я должна понять, что возвращение не уничтожит меня.

— Каждое воспоминание связано с другими.

— Тогда выбери то, которое причинит меньше вреда.

Элькар коснулась моей руки.

Лес исчез.

Я увидела солнечную площадь Горы Ведьм со стороны. Девочке было шесть лет. На ней был слишком длинный плащ, а за руку она держала темноволосого мальчика.

— Если нас поймают, не называй незнакомцам ни своего имени, ни моего, — наставительно сказала девочка, явно повторяя чьи-то взрослые слова. — Имена тоже становятся оружием.

— А тебя как зовут по-настоящему?

— Джеймс.

— Это настоящее.

— Другого у меня нет.

Девочка рассмеялась и завязала серебряную ленту справа. Потом Джеймс показал ей бумажных птиц над рынком и пообещал однажды научить летать без крыльев.

Воспоминание оборвалось.

Я снова сидела у ручья. На другом берегу стоял Джеймс. По выражению его лица было ясно: он слышал последнее слово, которое я произнесла вслух.

— Ты вспомнила? — спросил он.

— Площадь. Бумажных птиц. Тебя.

Он медленно сел напротив.

— Ты назвал себя настоящим именем, потому что другого у тебя не было.

— А ты смеялась надо мной.

— Я завязывала ленту справа.

— Да.

Между нами оставался ручей шириной в один шаг, но сейчас он казался границей двух жизней.

— Почему ты решил, что Рената стала Мелисой?

— После твоего исчезновения во дворце объявили, что принцессу нашли, но она потеряла память. Мне показали Мелису. Возраст совпадал, при ней была такая же лента, а советники запретили задавать вопросы. Позже она сказала,

что узнаёт меня.

— Она лгала?

— Возможно, повторяла то, чему её научили.

Впервые в его голосе не было презрения к Мелисе. Только усталость.

— Она хотела выйти за тебя.

— Хотела получить человека, который подтвердил бы её прошлое.

— А ты отказался, потому что решил, что она испортилась?

— Сначала поэтому. Потом понял, что рядом с ней чувствую только долг.

Он поднял на меня взгляд.

— Твои поступки не похожи ни на мои воспоминания о Ренате, ни на то, что я видел в Мелисе. Мне нужно перестать сравнивать вас, — сказал Джеймс.

Сердце ударило слишком сильно. Я могла спросить, что он имеет в виду, но из леса донёсся треск. Серебряные ищейки вскочили одновременно.

Сильвер закричал у костра:

— На помощь! Убивают! Хозяйка!

Я бросилась к лагерю. Элькар бежала рядом, не касаясь земли. «Это не нападение, — сказала она. — Это человек, которого ты искала».

Глава 9

Король без короны

Север считал дни по полосе света, которая ползла через камеру от одной стены к другой. На третий день она стала уже, на четвёртый исчезла совсем: окно заволокло тучами. После этого оставались только миски с похлёбкой. Они появлялись у решётки, стоило ему закрыть глаза, и каждый раз были одинаково тёплыми.

В соседних камерах сидели люди из приграничных деревень. Некоторых Север узнавал. Старик Гаврила раньше чинил лодки у Ансары; близнецы из семьи мельника спорили так громко, что их слышала вся улица. Теперь они молчали. Радужки исчезли под чернотой, дыхание стало редким и неглубоким. Они поворачивали головы одновременно, когда по лестнице проходил оборотень.

Север пытался говорить с ними, называл по именам, вспоминал дом, реку, запах печного хлеба. Никто не отвечал. Лишь маленькая девочка в дальней камере однажды шевельнула пальцами, будто хотела ухватиться за его голос.

Он не позволял себе думать, что опоздал. Если хотя бы один человек ещё слышал, нужно было искать выход.

Замок жил по странному распорядку. Ночью наверху гремели шаги и хлопали двери, днём всё стихало. Оборотни возвращались с охоты перед рассветом, а после полудня впадали в тяжёлый сон. Значит, бежать следовало днём. Оставалось найти ключ и понять, куда бежать.

Когда дверь темницы открылась, Север притворился спя-

щим. Вместо тяжёлых шагов оборотня он услышал шелест платья. По каменным плитам прошла девушка со светлыми волосами, собранными в косу. Она несла поднос, но заглядывала в камеры так настороженно, словно сама пришла сюда впервые.

У дальней решётки девушка остановилась. Маленькая пленница приподняла голову.

— Ты меня слышишь? — прошептала незнакомка.

Чёрные глаза не изменились, однако пальцы снова дрогнули.

Девушка поставила поднос и коснулась замка. На коже её ладони вспыхнул знак, похожий на ключ. Железо зазвенело, но не открылось. Девушка отдернула руку и зажала пальцы: кончики побелели, будто потеряли чувствительность.

— Не сработает, — сказал Север.

Она резко обернулась.

— Вы можете говорить?

— Пока могу. Если ещё раз коснёшься замка, разбудишь стражу.

Девушка подошла к его камере.

— Остальные не отвечают.

— В них что-то сломали. Но ребёнок слышит.

— Я тоже заметила.

Север поднялся. Цепь между кандалами натянулась.

— Где мы?

— В крепости Неизбежности. Раньше это был замок де

Бануар, в западной части Эльстона.

Название ничего ему не сказало. Девушка носила фамилию замка, но двигалась по нему как пленница, стараясь не задеть ни одной цепи.

— Ты из этой семьи?

— Елена де Бануар.

— Значит, это твой дом.

— Был. Теперь здесь всё принадлежит Литасу, даже наши имена.

Елена внимательнее посмотрела на него, словно только сейчас сопоставила услышанное с разговорами стражи.

— Подождите. Вас привезли вместо Аси Венгерских?

Север схватился за прутья.

— Откуда ты знаешь её фамилию?

— Оборотни говорили о девушке, которую потеряли у Ансары. Литас приказал доставить её, но вместо неё привезли вас.

— Она жива?

— Судя по тому, как Литас кричал на своих людей, жива и на свободе.

Напряжение, державшее Севера с ночи на мосту, ослабло. Всего на мгновение, но этого хватило, чтобы снова начать думать не только о том, кого он не спас, но и о тех, кого ещё можно вывести.

Ася умела находить беду даже там, где остальные видели спокойную дорогу. Если она пережила Ансару, то наверняка

уже спорила с первым встречным колдуном, защищала второго и собиралась спасать третьего. Север слишком хорошо её знал, чтобы принять слово «жива» за слово «в безопасности».

— Кто такой Литас?

— Советник короля и хозяин оборотней. Он отнял наш замок больше десяти лет назад. Мои родители с тех пор живут в верхнем крыле под заклятием. Они ходят, разговаривают, принимают гостей, но делают только то, что им велят. Мне разрешали передвигаться по дому, потому что на дверях стоит печать, не выпускающая кровь де Бануар.

— Почему ты пришла сюда сегодня?

Елена посмотрела на ребёнка.

— Я узнала, что оборотни собираются забрать оставшихся пленников до возвращения Литаса. Хотела открыть хотя бы одну камеру.

— Значит, он уехал.

— До ночи. С ним большая часть стаи.

Север протянул скованные руки.

— Тогда начни с этой.

— На кандалах защита. Магия забирает чувствительность пальцев, а замок всё равно не открывается.

— Не используй магию там, где достаточно железа. Где ключ?

Елена указала на пустую стену возле двери.

— Обычно висит там. Его скрывают от человеческих глаз.

Север всмотрелся. Камни были одинаковыми, но один участок стены не покрывала сырость. Он попросил Елену поднести огонь лампы ближе. На сухом месте появилась тень ключа, хотя самого предмета не было.

— Сними его.

— Я не вижу.

— Зато вижу тень.

Он направлял её руку, пока пальцы не сомкнулись на невидимом металле. Елена прошептала короткое слово, отдав заклятию ещё немного чувствительности, и ключ стал видимым. Через минуту дверь камеры открылась.

Север взял ключ, освободил руки и подошёл к маленькой пленнице. Вблизи стало видно, что чернота в её глазах ещё не достигла краёв радужки.

— Как её зовут? — спросила Елена.

— Лада.

Он отпер камеру и опустился рядом.

— Лада, слышишь меня? Твоя мать ждёт у старой мельницы. Ты обещала принести ей красную ленту с ярмарки.

Девочка моргнула. По щеке прошла слеза.

— Её ещё можно спасти, — сказала Елена.

— Тогда выведем её.

Остальные двери тоже поддались ключу, но большинство пленников не двигались. Север поднял Гаврилу, и старик послушно встал, однако в его лице не появилось узнавания. На шее у каждого чернела метка в форме волчьей пасти.

— Заклятие связано с хозяином стаи, — объяснила Елена.

— Если увести их далеко, Литас почувствует.

— Пусть чувствует.

— И направит сюда всех оборотней.

Север посмотрел на людей, которых обещал вернуть. Некоторые уже превратились в пустые оболочки, но он не мог решить это одним взглядом.

— Кто способен идти, пойдёт. Остальных спрячем до возвращения.

Они усадили безучастных пленников в старой кладовой за темницей. Елена начертила на двери знак тишины. За каждую линию платила ощущением в пальцах; к концу правая рука повисла, как чужая. Север заставил её остановиться.

— Цена должна быть меньше того, что защищаешь.

— В Академии говорили иначе: цена должна быть равной.

— Тогда в Академии не умели считать людей.

Елена посмотрела на него с удивлением.

— Вы говорите как правитель.

— Я говорю как человек, который отвечает за деревню.

— Оборотни называли вас северным наследником.

— Они ошиблись.

— А ваше имя?

— Меня нашли младенцем после метели. На груди был знак снежной короны. Алистан Венгерских велел не показывать его чужим.

Север никогда не рассказывал об этом Асе. В деревне он

был сыном погибших путников, которого воспитали вместе с остальными детьми. Иногда зимой ему снились люди из снега, преклоняющие головы, и женщина в белой короне, но утром всё казалось детской выдумкой.

Елена медленно выдохнула.

— Север — не имя. Это титул старшего дома. Последний король Северных земель исчез семнадцать лет назад вместе с новорождённым сыном.

— Значит, оборотни увидели знак и придумали удобную историю.

— Или Алистан спас ребёнка, которого искали.

Север коснулся груди, где под рубахой оставался бледный след короны. В детстве он пытался стереть его золой, потом ножом, но кожа заживала за одну ночь. Алистан говорил, что некоторые тайны следует носить до тех пор, пока не появится человек, способный выдержать ответ. Север всегда считал это способом прекратить расспросы. Теперь слова звучали как обещание, которое воспитатель не успел исполнить.

Сверху раздался вой. Один из оборотней проснулся.

Север взял арбалет из оружейной ниши. Болтов было семь. Елена нашла два плаща и обернула Ладу одним из них. Девочка могла идти, но не говорила и держалась за его рукав.

— Есть другой выход? — спросил Север.

— Через зимний двор. Но ворота запечатаны, а там стоит старый северный страж. Литас не смог его уничтожить и приказал замуровать.

— Какой страж?

— Снежный воин. Когда замок принадлежал моей семье, северные послы оставили его для защиты договора.

Вой повторился ближе. Север поднял Ладу на руки.

— Веди.

Они поднялись по служебной лестнице и миновали пустую кухню. За окнами стоял ясный летний день, но в северной части замка стекло покрылось инеем. Елена открыла неприметную дверь, за которой обнаружился двор, заваленный камнем. Посередине возвышалась бесформенная белая глыба, укрытая пылью и известью.

На стене над ней сохранилась надпись: «Пока Север помнит своих, снег не станет могилой».

— Здесь нет снега, — сказал Север.

— Под двором ледник. Его не открывали много лет.

В проходе появился оборотень. В человеческом облике он был высоким мужчиной, но на бегу его спина выгнулась, руки покрылись шерстью. Север передал Ладу Елене и выстрелил. Болт вошёл в плечо, развернул зверя, но не остановил.

Елена подняла здоровую руку. На мгновение перед оборотнем возникло десять одинаковых выходов. Зверь замешкался, выбирая, и ударился в стену. У Елены помутнел взгляд.

— Какова цена? — спросил Север.

— На этот раз зрение. Ненадолго.

Он подхватил её под локоть и повёл к белой глыбе. Под

слоем извести проступил шлем, затем широкие плечи. Это был человек, сложенный из плотного старого снега, который не растаял за десятилетия.

Оборотень оправился от наваждения. Север выпустил второй болт, целясь в ногу, и бросился к надписи. Под ладонью камень оказался ледяным.

«Пока Север помнит своих».

Он назвал вслух имена людей из камер. Гаврила. Лада. Близнецы Мишка и Гринь. Потом имена тех, кто оставался дома, и тех, кого уже не мог вернуть. Последним — Асю.

Под двором что-то треснуло. Между плитами выступила вода и мгновенно превратилась в снег. Белые струи потянулись к глыбе. Снежный воин открыл глаза.

— Государь, — прогрохотал он и опустился на одно колено.

Север отшатнулся.

— Я не твой государь.

— Корону можно спрятать. Кровь — нет.

Оборотень прыгнул. Снежный воин поднялся и принял удар на грудь. Когти разорвали его, белые комья разлетелись по двору, но тут же собрались обратно. Воин стал выше.

Из прохода выбежали ещё трое оборотней.

— Открой ворота и защищай пленников, — приказал Север.

Слова прозвучали раньше, чем сомнение. Снежный воин ударил кулаком по замурованной арке. Камни вылетели на-

ружу. За ними оказался склон, ведущий в лес.

— Уходите, — сказал Север Елене. — Я приведу тех, кто может идти.

— Вы не успеете.

— Тогда помоги Ладе.

Он вернулся в замок, пока воин удерживал проход. В кладовой трое пленников подняли головы на его голос. Север вывел их по одному. Остальные не реагировали даже на боль и свет. Он закрыл дверь знаком тишины и оставил рядом ключ.

— Я вернусь, — пообещал он людям, которые, возможно, уже не могли слышать.

На лестнице его перехватил капитан стаи. Крупный оборотень сбил арбалет, ударил Севера в грудь и прижал к стене.

— Литас велел сохранить тебя, — прорычал он. — Но не говорил, что целым.

Север вонзил обломок болта ему в ладонь. Хватка ослабла. Капитан ударил снова, и перед глазами вспыхнуло белое. В тот же миг по камням пополз иней. Холод поднялся изнутри Севера, отозвался в крови и вырвался наружу.

Оборотень замер. Шерсть покрылась льдом, когти примерзли к полу. Север не понимал, как сделал это, и не мог остановить силу. Мороз пополз выше, к горлу пленника.

«Цена должна быть меньше того, что защищаешь».

Он заставил себя разжать кулак. Иней остановился. Оборотень остался жив, но не мог двинуться.

Вместе с магией ушло тепло. Север опёрся о стену, чувствуя, как немеют руки. Снежный воин появился рядом и коснулся его плеча. Часть холода перешла в белое тело.

— Ваша сила не должна пожирать вас, государь.

— Не называй меня так.

— Пока не прикажете иначе перед троном.

Север хотел спорить, но сверху донёлся голос Литаса. Советник вернулся раньше.

— Закрой двор, — приказал он кому-то. — Девушку де Бануар не ранить. Северного взять живым.

Снежный воин заслонил лестницу.

— Уходите. Я задержу стаю.

— Они разобьют тебя.

— Тогда я соберусь из первого снега, который выпадет над Северными землями.

Во дворе уже белели десятки маленьких фигур. Снег, отлетавший от воина под ударами, не возвращался весь: часть его собиралась в невысоких защитников с круглыми головами и короткими руками. Они окружали освобождённых пленников, закрывая их от когтей собственными телами. Каждый раз, когда один рассыпался, два других становились плотнее. Север понял, почему старые сказания называли такую армию непобедимой. Она существовала не ради завоеваний, а пока оставался хоть кто-то, кого требовалось защитить.

Север снял со стены железный знак де Бануар и вложил

в снежную ладонь.

— Защити тех, кто остался внизу. Не убивай, если можно остановить.

— Приказ принят.

Он выбрался во двор и сбежал по склону. Елена ждала в лесу с Ладой и тремя освобождёнными пленниками. За их спинами деревья дрожали от ударов, но погоня не появлялась.

— Вы вернулись, — сказала Елена.

— Не за всеми.

— Если бы остались, не спасли бы никого.

Север не ответил. Правильные решения редко приносили облегчение.

Они двигались к Горе Ведьм до вечера. Лада постепенно оживала. У ручья она впервые попросила воды, а потом назвала имя матери. Двое взрослых всё ещё молчали, но чёрная плёнка в глазах истончилась. Третий умер по дороге. Север сложил над ним каменный круг и вырезал имя на коре, чтобы позже найти могилу.

Елена сидела рядом, пока остальные отдыхали.

— Литас держал моих родителей под заклятием, — сказала она. — Я должна была попытаться вывести их.

— Почему не попыталась?

— Потому что без меня Лада не дошла бы до леса. Это тоже правильное решение, которое не приносит облегчения.

Север посмотрел на неё внимательнее. За дорогим пла-

тьем и осторожной речью скрывалась не избалованная пленница, а человек, который десять лет учился выживать рядом с теми, кто сломал её семью.

— Ты говорила о Джеймсе.

— Он мой брат. Сбежал из замка ребёнком, до нападения Литаса. Я думала, он бросил нас. Потом поняла, что, возможно, его вывели раньше, потому что знали об угрозе.

— Он недалеко. Ася тоже.

— Откуда вы знаете?

Север показал на серебряную ищейку, появившуюся между деревьями. Зверь не нападал. Он обнюхал землю, посмотрел на Севера и направился к югу, время от времени оглядываясь.

На ошейнике был знак снежной короны.

— За нами пришёл ещё один слуга? — спросила Елена.

— Не знаю. Но этот не служит Литасу.

Они последовали за ищейкой. Освобождённые пленники шли медленно, поэтому Север оставил их в домике лесной смотрительницы, которую Елена знала с детства. Женщина поклялась доставить Ладу к западным воротам и спрятать взрослых до возвращения королевской стражи. Север отдал ей карту темницы и объяснил, где остались остальные.

— Вы действительно вернётесь? — спросила смотрительница.

— Да.

Он не знал, как и с какой армией, но обещание уже стало

частью пути.

Ночью впереди появился огонь. Ищейка остановилась у границы света. Из лагеря доносились голоса. Север узнал Сильвера раньше, чем увидел: сокол возмущался тем, что его хотят заставить писать клювом.

Елена удержала Севера за рукав.

— Там странники. Среди них могут быть люди Литаса.

— Сильвер не стал бы спокойно сидеть рядом с врагами.

— Вы уверены?

— Нет. Но если это ловушка, я предпочту увидеть её лицо.

Они вышли из кустов. У костра сидели Нарина и Руфин. Серебряный сокол поднял голову, распахнул глаза и попытался спрятаться за плечом девушки.

— Север, — выдохнул он. — Какая неожиданно неприятная встреча.

— Где Ася?

— Не знаю никаких Ась. И вообще, я Сильвестр.

Север шагнул к нему.

— Если Сильвестр сейчас не ответит, станет первой бесхвостой птицей Северных земель.

Сильвер взлетел и закричал на весь лес:

— На помощь! Убивают! Хозяйка!

Из-за ручья показалась Ася. Она бежала к лагерю, рядом с ней двигалась едва заметная девочка из света. На мгновение Северу показалось, что за Асей раскрылись серебряные крылья.

Она остановилась, не веря глазам.

— Север?

Он улыбнулся впервые после моста.

— Я же обещал вернуться.

Глава 10

Те, кто вернулся

До этой ночи я не знала, что облегчение может причинять боль. Север стоял у края кострового света — похудевший, в порванном чёрном плаще, с засохшей кровью на виске, — и всё же был жив. Я успела сделать всего один шаг, прежде чем бросилась к нему. Он поймал меня за плечи, прижал к себе так крепко, словно проверял, настоящая ли я, и на несколько мгновений мир сузился до знакомого запаха дыма, сырой шерсти и леса.

— Я думала, ты погиб, — выдохнула я.

— Я тоже так думал, — ответил Север. — Но обещал вернуться.

За его спиной раздался сдавленный смешок Сильвера. Сокол сидел на перевёрнутом котелке и старательно делал вид, что его нисколько не тронуло наше воссоединение, хотя перья на груди стояли дыбом. Я протянула к нему руку, но он отвернулся и принялся чистить крыло.

— Хозяйка исчезает на полдня, затем приводит за собой призрака, а обнимать всё равно предпочитает других. Прекрасно. Исключительно справедливо.

Я улыбнулась, однако улыбка быстро исчезла. Рядом с Севером стояла незнакомая девушка в испачканном светлом платье. Она была почти моего роста, очень бледная, с тёмными волосами, собранными в растрепавшуюся косу. На её запястьях виднелись красные следы родовой печати, а на ладони — свежий ожог, похожий на тонкую ветвь.

Джеймс смотрел на неё так, будто боялся моргнуть. Он вышел из-за деревьев ещё до того, как я подбежала к Северу, но с тех пор не произнёс ни слова. Девушка тоже молчала. Между ними было не просто узнавание — там лежали десять лет, за которые каждый успел придумать собственную версию чужого предательства.

— Джеймс, — наконец сказала она.

Он вздрогнул. Не отступил и не приблизился.

— Елена.

Имя прозвучало без вопроса. Я посмотрела на одинаковый изгиб их бровей, на одинаково упрямо сжатые губы и поняла раньше, чем кто-либо успел объяснить.

— Это моя сестра, — сказал Джеймс, обращаясь скорее к костру, чем к нам. — Я считал, что она осталась в замке де Бануар.

— Я и оставалась, — тихо ответила Елена. — Все эти годы.

Она сделала шаг, но Джеймс поднял ладонь. Жест был резким, почти оборонительным. На лице Елены промелькнуло выражение, которое она сразу спрятала за холодным до-

СТОИНСТВОМ.

— Не сейчас, — произнёс он.

— Ты исчез десять лет назад. Когда же, по-твоему, будет «сейчас»?

— Когда я пойму, почему ты позвала стражу.

Елена побелела ещё сильнее. Север перевёл взгляд с неё на Джеймса, но вмешиваться не стал. Он уже знал часть истории, которой не знали мы, и потому видел не ссору, а старую рану, раскрытую одним движением.

— Мне было одиннадцать, — сказала Елена. — Я увидела в таверне разыскиваемую девочку, которую взрослые называли Ренатой, и решила, что, вернув её домой, спасу честь нашей семьи. Мне сказали, что она опасна и присвоила знак, который ей не принадлежит. Я была ребёнком и повторяла чужие слова. Я не знала, что стража сотрёт ей память. Не знала, что через несколько дней в наш дом придут люди Литаса. И не знала, что ты больше не вернёшься.

Имя Ренаты заставило медальон под одеждой нагреться. Перед глазами на мгновение мелькнула низкая стойка таверны, рассыпанное стекло и мальчик с зелёными глазами. Видение исчезло прежде, чем я успела разглядеть его лицо. Осталась только непонятная обида — детская, жгучая, слишком давняя, чтобы принадлежать мне нынешней.

Джеймс заметил, как я прижала ладонь к груди.

— Что случилось?

— Ничего. Обрывок памяти.

Он посмотрел на Елену. Та тоже поняла.

— Ты видишь её память? — спросила Елена. — Память той девочки, которую называли Ренатой?

— Я не знаю, — ответила я. — Рената была поддельным именем наследницы. Не моим. Не называй меня так.

Елена закрыла глаза. Казалось, она готовилась услышать приговор.

— Я вижу это только кусками, — продолжила я. — Вернее, вижу то, что помнила она. Я не могу простить тебя от имени другого человека. Но один детский поступок не объясняет всего, что случилось потом. За стирание памяти Ренаты отвечали взрослые. За плен вашей семьи — Литас.

Джеймс коротко кивнул, однако напряжение из его плеч не ушло. Он развернулся и направился к ручью. Я хотела пойти за ним, но Елена остановила меня:

— Не надо. Если он сумел ненавидеть меня десять лет, несколько минут ничего не изменят.

— Иногда несколько минут меняют больше, чем десять лет.

Она посмотрела на меня с усталой благодарностью. В ней почти не осталось надменной девочки из моего короткого видения. Передо мной стояла пленница, которая слишком долго училась держать спину прямо, потому что за слабость в крепости приходилось платить.

Мы сели у костра. Никрас молча подал Елене кружку настоя, Нарина уступила ей сухой плащ, а Руфин, обычно не

способный выдержать тишину, занялся ремнём на сапоге. Даже Сильвер не шутил. Север разложил на земле карту, снятую со стены крепости, и поставил на неё плоский железный знак де Бануар.

— В нижних камерах осталось не меньше двадцати пленников, — сказал он. — Часть находится под заклятием подчинения. Четверых мы вывели. Один умер по дороге. Остальных спрятали у лесной смотрительницы, но надолго там оставаться нельзя.

— Я вернусь за ними, — произнесла Елена.

— Вернёмся, — поправил Север. — Но не сегодня и не вдвоём. Снежный воин удерживает внутренний двор, пока может брать силу из родового знака. Когда знак истощится, защитники рассыплются.

Он рассказал о снежной короне, появившейся на его груди, об ищейке с таким же знаком и о последних правителях Северных земель, исчезнувших семнадцать лет назад вместе с новорождённым наследником. Говорил спокойно, почти сухо, но я слишком хорошо его знала. За каждым словом стоял страх. Вчера Север был мальчишкой, который хотел помочь мне найти родителей; сегодня чужая армия назвала его государем и потребовала отвечать за людей, которых он никогда не видел.

— Ты веришь, что это правда? — спросила я.

— Знак открыл дверь, которую не смогла открыть Елена. Снежный воин исполнил мой приказ. Ищейка привела меня

сюда. Для совпадения слишком много доказательств.

— А для короны слишком мало, — заметила Нарина.

— Именно.

Север положил ладонь на карту. Его пальцы дрожали едва заметно.

— Я не стану объявлять себя королём, пока не узнаю, кем были мои родители и почему меня оставили в смертном мире. Но если эти люди признали во мне право приказывать, я использую его, чтобы их освободить.

Елена смотрела на него внимательно и без прежнего благоговения. Мне понравился этот взгляд: не на спасителя из сказки, а на человека, который принял решение и теперь боялся его цены.

— В крепости остались мои родители, — сказала она. — Они живы, но почти не просыпаются. Литас много лет поддерживает над ними заклятие. Я пыталась снять его однажды и потеряла зрение на три дня. После этого он усилил печать.

Джеймс вернулся бесшумно. В руках у него была охапка сухих веток. При слове «родители» одна ветка хрустнула в его пальцах.

— Почему ты не сказала сразу?

Елена поднялась.

— Когда? В те несколько мгновений, пока ты смотрел на меня как на врага?

— Ты могла уйти из замка раньше.

— Родовая печать удерживала кровь де Бануар внутри

стен. Север разрушил её, когда открыл северную дверь. До этого я могла выйти только во внутренний двор.

— А отец? Он мог сопротивляться.

— Отец почти не открывает глаз. Мама иногда узнаёт меня, но забывает через минуту. Я десять лет приносила им воду и говорила, что ты вернёшься. Потом перестала говорить, потому что сама больше не верила.

Джеймс опустил ветки у костра. Злость покинула его лицо так внезапно, что он показался моложе.

— Я не знал.

— Я тоже многого не знала.

Они стояли друг напротив друга, не решаясь сократить оставшееся расстояние. Потом Джеймс спросил:

— Ты помнишь старую оранжерею?

— Там, где ты разбил отцовский хрустальный фонарь и свалил всё на меня?

— Ты сама предложила.

— Потому что тебя хотели отправить в школу при дворе.

Елена всхлипнула и неожиданно рассмеялась. Смех сразу превратился в плач. Джеймс сделал один неловкий шаг и позволил ей уткнуться лицом ему в плечо. Он не обнял её сразу, но через несколько мгновений всё-таки положил ладонь ей на затылок.

Никто не отвернулся. Эта встреча не нуждалась в красивых словах. Достаточно было того, что они оба остались рядом.

Позже, когда Елена уснула у костра, Джеймс сел рядом со мной. Между нами лежал его меч, но сейчас он казался не границей, а обещанием защиты.

— Ты действительно ничего не помнишь о таверне? — спросил он.

— Стекло. Реку. Чью-то руку в воде. И мальчика, лица которого не успела увидеть.

— Ты замолчала, когда слышала имя Ренаты, — сказал Джеймс.

— Потому что внутри меня хранятся её воспоминания. Элькар говорит, они принадлежат наследнице. Я думаю, наследница — Мелиса.

Джеймс долго смотрел в огонь. Он не видел ни одной картины, всплывавшей у меня, и знал о них только то, что я решала пересказать.

— Раньше я тоже думал, что Рената стала Мелисой, — сказал он. — Потом решил, что ошибся.

— Возможно, ошибся только в причине. Если вернуть Мелисе память, Рената вернётся вместе с ней.

— Возможно. Но память нельзя вручить человеку без его согласия.

— Я знаю. Поэтому сначала найду её и узнаю правду.

Он кивнул. Ни обещания, ни признания между нами не прозвучало. Только договор не подменять живых людей теми, кого каждый из нас надеялся вернуть.

— И ещё, — сказал Джеймс. — Если тебе снова станет

плохо от воспоминания, скажи хотя бы, нужна ли помощь. Я не стану требовать, чтобы ты показывала то, чего сам видеть не можешь.

— Договорились.

Он произнёс это просто. Без признания и без обещаний. Но я ещё долго смотрела в огонь, чувствуя, как сердце стучит слишком быстро.

На рассвете мы устроили совет. Руфин разложил рядом с картой бумаги, которые вынес из поместья Роберта, а я рассказала о списке похищенных и приказах с поддельной печатью Арагона. Имя капитана Вейрона повторялось на трёх листах. Он отвечал за городские патрули, доставку пленников и поиск «носительницы медальона». Последнее обозначение относилось ко мне.

— Арагон не приказывал схватить Асю, — сказал Руфин. — Подпись скопирована хорошо, но воск смешан с золой. Военная канцелярия Арагона добавляет серебряную пыль.

— Значит, Вейрон работает на Литаса, — заключила Нарина.

— Или считает, что работает на Арагона, — возразил Никрас. — Поддельные приказы могли передавать через нескольких людей.

— В любом случае возвращаться по большой дороге нельзя, — сказал Джеймс. — Вейрон знает наши приметы и будет перекрывать мосты.

Север показал на западную часть карты.

— Здесь дом смотрительницы. Освобождённые пленники пока там. Если патруль найдёт их, дорога приведёт к крепости.

Мы решили разделить задачу, но не группу. Руфин составил короткое послание вампирам Арагона с условным знаком, который видел на их оружии у моста. Сильвер должен был отнести записку к старому сторожевому камню. Вампиры не доверяли нам, зато могли проверить печать Вейрона и забрать пленников туда, куда не рискнут войти оборотни.

— А если они решат забрать вместе с ними и меня? — спросила я.

— Не решат, — ответил Сильвер. — Я напишу, что хозьяйка кусается.

— Ты не умеешь писать.

— Клевета. Я просто предпочитаю диктовать.

Редкая шутка разрядила напряжение. Мы быстро составили сообщение, и Сильвер улетел. Через час он вернулся без записки, с одной серебряной нитью на когте: знак того, что послание приняли.

Оставался вопрос, ради которого Джеймс собирал нас с самого начала. Меч, способный разрушить заклятие Литаса, находился за барьером Крепости Забвения. Обычная телепортация туда не проходила, а каждый артефакт перемещения оставлял след в сторожевой сети. Проникнуть незамеченными можно было только через силу разрушенного Амулета четырёх стихий.

Я уже слышала часть легенды от Элькара, поэтому остановила Джеймса, когда он начал пересказывать её с начала.

— Четыре части приняли новые формы, — сказала я. — Земля, Вода, Воздух и Огонь. Но соединить их механически недостаточно. Нужен пятый живой элемент — тот, кто даст результат.

Все посмотрели на меня.

— Ты? — спросила Елена.

— Возможно.

— Нет, — сказал Север.

— Я ещё не согласилась.

— Но уже решила, что согласишься.

Он знал меня слишком хорошо. Я провела пальцем по краю медальона.

— Если артефакты помогут войти в крепость, мы сможем освободить пленников, найти родителей Джеймса и Елены и добраться до Литаса. Возможно, там же удерживают моих родителей. Отказ не сделает меня безопаснее. Вейрон уже назвал меня носительницей медальона.

— Сила должна иметь цену, — напомнил Никрас. — В старых историях про амулет цена всегда отсутствует только потому, что её платит кто-то, о ком не рассказывают.

— Поэтому мы не будем собирать части вслепую, — сказал Джеймс. — Сначала узнаем правила каждой. Если цена окажется неприемлемой, остановимся.

Елена достала из кармана маленькую костяную пластину.

На ней были выжжены четыре знака вокруг пустого центра.

— Я нашла её в библиотеке Литаса. Он искал части амулета задолго до нашего пленения. Рядом лежала запись о валькирии, которая появляется на рассвете после полнолуния и знает дороги к хранителям стихий.

Ночь была первой после полнолуния. До следующего рассвета оставалось меньше суток.

— В трёх милях отсюда есть высокий уступ, — сказал Сильвер. — Я видел там круг из белых камней. С земли он похож на обычную поляну, но сверху складывается в крыло.

Мы приняли решение не сразу. Каждый назвал причину, по которой готов идти, и границу, за которую не позволит зайти остальным. Север шёл ради пленников и моих родителей, но отказался приносить в жертву освобождённых людей. Елена — ради семьи, однако потребовала вернуться в крепость после получения первого артефакта. Нарина, Никрас и Руфин хотели остановить поддельные приказы, потому что из-за них Странников объявляли предателями. Джеймс не объяснял свою причину долго: ему нужен был меч, чтобы разрушить заклятие Литаса.

Когда очередь дошла до меня, я сказала:

— Я иду, чтобы никто больше не решал за меня, кем мне быть — Асей, отражением Ренаты или чьим-то средством открыть чужую дверь. Если амулет подчиняется выбору, этот выбор будет моим.

Мы скрепили решение, положив ладони на карту. В тот

момент я впервые почувствовала себя не грузом, который проводят через опасный мир, а частью группы.

До уступа следовало добраться ночью, поэтому день мы посвятили отдыху и подготовке. Елена настояла на том, чтобы пойти с нами. Джеймс спорил недолго: после её рассказа о родителях он больше не мог приказать ей вернуться в место, где она провела десять лет в заточении. Север проверил её ожог и показал, как удерживать тепло в пальцах после светового заклятия. Они разговаривали без неловкости, словно уже научились понимать молчание друг друга.

Я вместе с Руфином уничтожила бумаги, которые могли выдать дом смотрительницы, но сохранила список похищенных и приказ Вейрона. Пламя почернело, едва коснувшись поддельной печати. В воске что-то зашипело и попыталось вырваться наружу тонкой тенью.

— Следящее заклятие, — сказал Джеймс и накрыл лист землёй. — Оно уже могло передать наше положение.

Мы снялись с лагеря раньше, чем планировали. К уступу шли обходными тропами, дважды меняя направление. За час до полуночи Сильвер заметил над лесом три красных огня — сигналы патруля.

Капитан Вейрон был ближе, чем мы думали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.